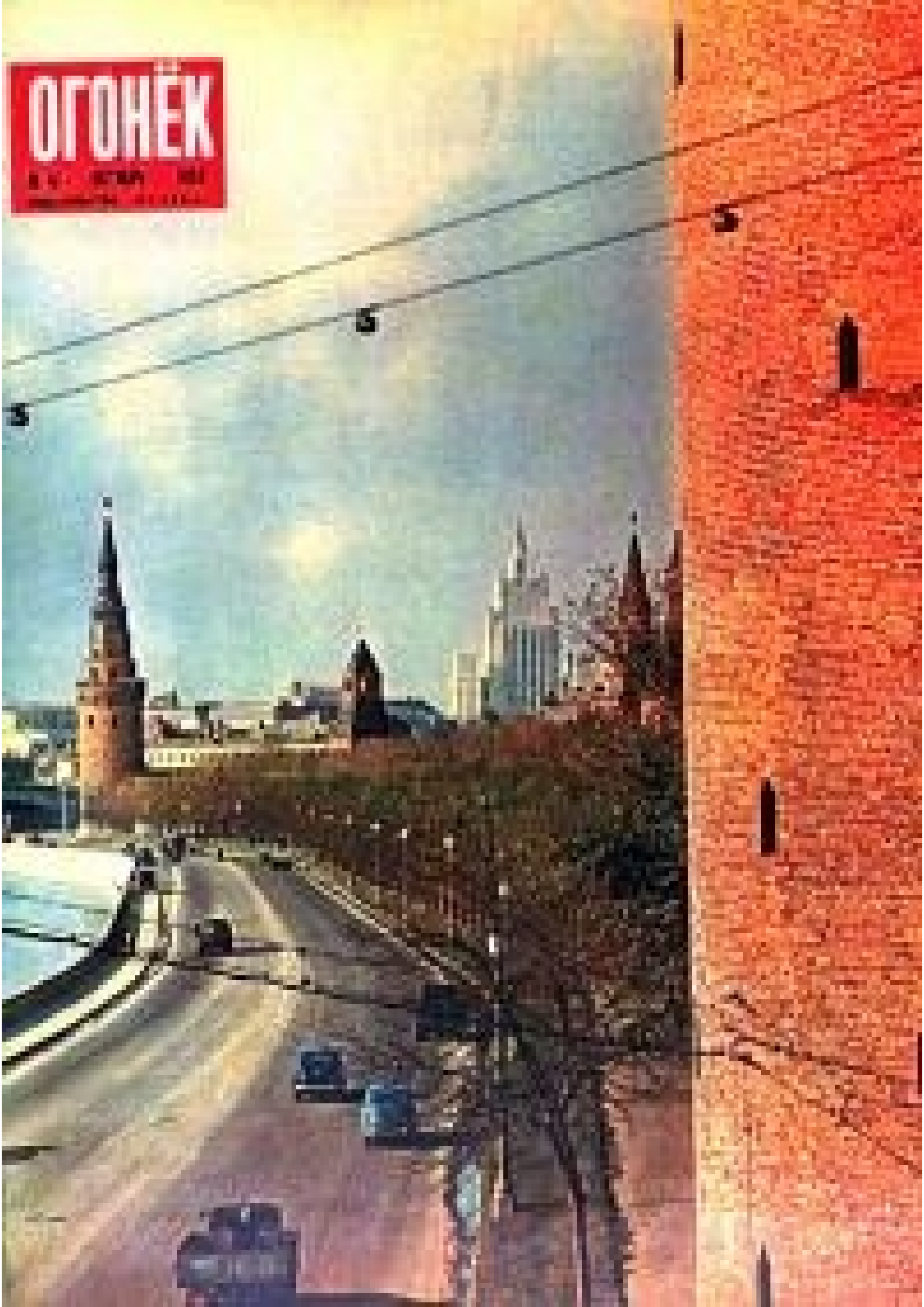

ОГОНЕК

№ 47 - СЕНТЯБРЬ 1988
подписной индекс 7250

Annotation

Вечером, у Курского вокзала в Москве трое неизвестных сели в такси. Выехав за город, пассажиры под угрозой оружия ограбили шофера Виктора Шутова, вернулись обратно в город и, выкинув шофера на ходу, угнали машину.

Это было первое серьезное происшествие, о котором узнал дежурный по городу Василий Логунов. В третьем часу ночи ему доложили о втором- крупной квартирной краже, совершенной в новых домах в районе Каширского шоссе. Преступники скрылись на автомашине «Победа». Постовому милиционеру удалось записать ее номер. На место кражи выехала дежурная опергруппа Московского уголовного розыска. Так начался долгий, сложный и опасный путь по следу преступников, о котором интересно и увлекательно рассказывается в повести. Этот путь привел работников уголовного розыска - следователя Брайцева и других - во многие места и столкнул их со многими людьми. Вместе с Брайцевым и его помощниками читатель попадает то в добровольное общество «Рыболов-спортсмен», то в мастерскую химчистки, то в один из таксомоторных парков столицы и в другие, иногда совершенно неожиданные места. Вместе с Брайцевым читатель знакомится с молодым, случайно запутавшимся в темных делах парнем Виктором Коваленко, с наглым уголовником Бирюком, бежавшим из лагеря крупным преступником Ургановым и другими лицами, так или иначе при частными к тем событиям, с которых начинается повесть.

Даниил Яковлевич Храбровицкий, В. Ведеев

По следу

Журнал «Огонек», №№ 40-44, 1956 год.

ПО СЛЕДУ

Д. ХРАБРОВИЦКИЙ, В. ВЕДЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

Виктор Шутов сидел в дежурке девятнадцатого отделения милиции Москвы и слушал, как старший лейтенант докладывал по телефону обстоятельства его дела. Час тому назад трое неизвестных, сев в такси, принадлежащее второму таксомоторному парку, под угрозой оружия ограбили шофера Шутова, а затем, выбросив его на ходу, угнали машину. В изложении старшего лейтенанта все получалось как-то незначительно: сели, ограбили, угнали...

Длинная скамья, на которой сидел Шутов, была по-вокзальному неуютной, лампочку на потолке засидели мухи, в помещении пахло сыростью и дезинфекцией, и от всей этой холодной обстановки Шутова охватила какая-то тоска. Он снова деталь за деталью перебирал в памяти печальные подробности прошедшего вечера.

Первым пассажиром был мужчина средних лет. Он сел на стоянке у Белорусского вокзала и доехал до улицы «Правды». Счетчик набил три рубля. «Надо же, на такое расстояние - и нанимать такси!» - разозлился Шутов.

Вторыми возле гостиницы «Советская» сели юноша с девушкой.

- Куда? - спросил Шутов.

- Все равно, - ответил юноша. Потом, подумав немного, добавил: - Пожалуй, лучше всего по Садовому. - Он наклонился к самому уху водителя: - Понимаешь, такое уж дело, негде посидеть вдвоем. Тебе же все равно, куда ехать?

В конце концов юноша был прав: действительно, какое дело ему, Шутову, до маршрута. Лишь бы счетчик работал.

Минуты на три их задержали у светофора, потом машина вырвалась на прямую, как стрела, магистраль Ленинградского шоссе. У площади Маяковского Шутов сделал правый поворот и, не торопясь, поехал по Садовому кольцу.

Не доезжая Зубовской, он случайно поднял глаза и увидел в зеркальце, что на заднем сиденье целовались. У Калужской площади он еще раз взглянул в зеркальце. Картина не изменилась.

«Интересно подсчитать, - подумал Шутов, - во сколько им обходится каждый поцелуй?»

Возле Курского юноша стал расплачиваться. У него едва хватило денег: последний рубль пришлось отсчитывать мелочью.

Было без пяти девять, смена только началась.

Кто-то энергично рванул на себя дверцу, и в машину протиснулся молодой человек. Сзади сели еще двое.

- На Ярославское, к Северянину, быстро! - Парень поднял воротник, устраиваясь поудобнее. У него были светлые волосы, выбивавшиеся из-под кепки. Через всю щеку наискось багровел глубокий шрам.

Свернув у Красных ворот и проехав мимо Комсомольской площади, Шутов по Переяславке выехал на Первую Мещанскую. Миновав мост за Рижским вокзалом, он прибавил газу.

Промелькнули площадь возле главного входа на Сельскохозяйственную выставку, новый мост у платформы Северянин. Шутову становилось не по себе...

Проехали еще пять километров.

- Ну? - спросил Шутов.

- Пожалуйста, направо.

Шутов свернул вбок от шоссе.

- Кажется, приехали.

Машина стала. Вокруг не было ни единого дома. Где-то метрах в трехстах тускло мерцал одинокий фонарь.

- Семнадцать рублей,- сказал Шутов и вдруг увидел, нет, скорее ощутил направленное на него дуло пистолета.

- Не рыпаться!

Предупреждение было излишним. У Шутова похолодела спина.

В это мгновение кто-то с силой рванул его назад. Шутов очутился на заднем сиденье. Ему заломили руки за спину и, повалив на сиденье, уселись сверху.

Развернувшись, машина вновь мягко понеслась по асфальту. Очевидно, парень со шрамом сел за руль. Они ехали обратно в город - это было единственное, что мог определить Шутов. Остальное осталось вне поля зрения: он лежал на сиденье, лицом вниз, уткнувшись подбородком в кожаную подушку.

Он покорно дал обыскать себя. Потом с него стащили пальто, пиджак вместе с документами...

Ехали молча. Тормозили у светофоров. Только однажды сидевший сзади заметил:

- Аккуратнее, здесь нет левого поворота!

Машина замедлила ход. Шутова подняли.

- Вывалишься - не вздумай кричать, - обернувшись, предупредил парень со шрамом. - Пикнешь - заработаешь пулю.

Шутов с размаху ударился об асфальт. Машина прошла в десяти сантиметрах, едва не задев его задним колесом.

За углом прогремел трамвай. Там начиналась Трифоновская. Шутов дошел до угла. У остановки стоял милиционер. Прихрамывая, Шутов побежал к нему.

Все, даже эти заключительные подробности были запечатлены в протоколе. Сущность дела в более сжатой форме старший лейтенант доложил дежурному по городу.

Выполнив необходимые формальности, он счел свою миссию законченной, встал из-за стола и подошел к Шутову.

- Можете быть свободны, гражданин Шутов. Если понадобится, вас вызовут.

- А машина? - упавшим голосом спросил тот.

- Будут искать. Между прочим, у вас есть деньги, чтобы доехать до дому?

Денег у Шутова не было. Дежурный порылся в кармане и протянул трехрублевку.

- Берите, да не стесняйтесь, чего уж тут! Как-нибудь, случаем, завезете.

2

Дежурный по городу майор милиции Василий Логунов доложил о случившемся дежурному по главному управлению и принял первые меры. Всем постам ОРУДа, находящимся в черте города и на прилегающих шоссе, был передан приказ о задержании автомашины «Победа ЭЖ-01-17».

Однако в течение пяти последующих часов машины с подобным номером замечено не было, хотя даже у тех светофоров, которые на ночь переводятся на автоматическое действие, были усилены милицейские посты.

В половине третьего ночи Логунову доложили о крупной квартирной краже, совершенной в новых домах в районе Каширского шоссе. Преступники скрылись на автомашине «Победа», обстреляв постового милиционера. Но тому все-таки удалось записать номер машины - «ЭЖ-22-08».

На место кражи выехала дежурная опергруппа Московского уголовного розыска.

Дом был одиннадцатизэтажный, построенный в форме буквы «П». Квартира, принадлежащая инженеру Лосеву, находилась на восьмом этаже. В подъезде работал лифт и круглосуточно дежурила лифтерша. Она клялась всеми святыми, что ни на минуту не сомкнула глаз, однако за время своего дежурства ничего подозрительного не заметила. Больше того, после двенадцати подъезд обычно запирался на ключ.

Однако жильцы из соседней квартиры около половины второго ночи слышали, что у Лосевых лаяла собака. Лай доносился из передней и продолжался не более десяти минут.

Далее, следователь угрозыска капитан Сергей Васильевич Брайцев узнал, что Лосевы жили одни.

Квартиру они оставляли редко, если не считать кратковременных выездов на рыбалку с пятницы на субботу и воскресенье. Сегодня Леонид Михайлович вместе с женой отправился на Истринское водохранилище, куда, по его словам, предполагался массовый выезд спиннингистов. Накануне он забежал к соседям за напильником: свой куда-то запропастился.

Как это ни было горько, Сергей Васильевич решил испортить Лосеву утреннюю зарю и, связавшись по телефону с МУРом, просил срочно передать на Истринскую базу «Рыболова-спортсмена» телефонограмму, вызывающую Лосева в Москву.

Наружный осмотр двери не дал результатов. Английский замок какой-то хитрой конструкции оказался в полном порядке. Но со стороны двора, куда выходили окна Лосевых и их маленький навесной балкон, в балконной двери оказалось вырезанным стекло. Однако, чтобы преодолеть расстояние до балкона от лестничной клетки, необходимо было пробалансировать не менее десяти метров по узкому карнизу, тянущемуся на высоте восьмого этажа.

В квартире стоял терпкий запах тройного одеколona. «Опытные», - подумал Брайцев. Служебной собаке делать здесь было нечего. В большой комнате, служившей столовой, пол был усыпан осколками стекла. У двери, ведущей на балкон, лежала овчарка. Брайцев насчитал одиннадцать ножевых ран. Стены и пол были обильно забрызганы кровью.

Вместе с экспертом научно-технического отдела лейтенантом Павлом Петровичем Аркадьевым Брайцев занялся внимательным изучением пятен крови. В одном месте багровое пятно им показалось особенно подозрительным: чувствовалось, что кто-то усиленно растирал капли подошвой. Пришлось соскоблить верхний слой паркета для лабораторного исследования.

За диваном был обнаружен будильник с разбитым стеклом. Очевидно, его свалили вместе с

тумбочкой и не заметили второпях. Будильник молчал. Стрелки остановились на сорока минутах второго.

Теперь Сергея Васильевича занимал вопрос, почему лай доносился из передней, а не из внутренней комнаты, куда через окно лезли воры? Возможно, это было лишь обманом слуха и собака лаяла именно во внутренних комнатах?

Брайцев решил проверить. Вместе с Павлом Петровичем они прошли в соседнюю квартиру, оставив старшину Смирнова вместе со служебной собакой Рексом у Лосевых. В самом деле, когда собака лаяла во внутренних комнатах, лай доносился глухо, и только после того, как Рекса перевели в переднюю, Брайцев отчетливо услышал голос собаки. Значит, это не могло быть ошибкой: собака действительно лаяла в передней.

Нужно было во всем разобраться. Еще раз исследовали дверь. Осматривая ее с внутренней стороны, Аркадьев заметил на крашеной поверхности в полуметре от пола несколько свежих царапин. Не исключено было, что это - дело собаки, которая яростно скреблась в дверь. Действительно, под когтями убитого пса Аркадьев обнаружил несколько крохотных крупинок высохшей белой краски. Их можно было рассмотреть лишь с помощью сильной лупы, и окончательный вывод о химическом составе крупинок нуждался в лабораторном подтверждении. Но уже и сейчас это, казалось бы, незначительное открытие представляло далеко не отвлеченный интерес для капитана Брайцева. Вряд ли можно было предположить, что, испугавшись человека, лезущего в окно, собака стала искать спасения в передней, лая там и скребясь в дверь. Ведь убита-то она была в комнате, а не в передней. Кто-то, находящийся на площадке перед дверью, усиленно старался отвлечь внимание собаки, чтобы дать возможность своему сообщнику без особых помех вырезать стекло и проникнуть затем в квартиру. Но каким образом эти люди попали на лестницу, как вынесли вещи, если, по словам лифтерши, парадный подъезд был заперт всю ночь?

Лучше всех на эти вопросы мог ответить Рекс. Бедняге пришлось трудно. В комнатах, «обезвреженных» резким запахом одеколона, он лишен был возможности применить свое единственное оружие - обоняние. Но лестничная площадка была «чистой» от одеколона. И, разобравшись наконец в сложном букете лишь ему одному доступных запахов, Рекс выбрал главный из них и взял след...

Он вел по лестнице вверх, с этажа на этаж, оттуда на чердак, где замок оказался сорванным, к трубе мусоропровода. Для чего им понадобилось останавливаться именно у мусоропровода? Случайность? Но почему же в таком случае тут пахнет нафталином? Чтобы почувствовать это, не нужно обладать обонянием служебной собаки. Осматривая внутренность трубы мусоропровода, Аркадьев обнаружил и там следы нафталина. Теперь все становилось на место. Вероятно, чтобы не вызвать подозрений на случай непредвиденной встречи, вещи, похищенные из квартиры Лосевых, были спущены вниз через мусоропровод.

А между тем Рекс нетерпеливо натягивал поводок. Следуя за собакой, оперработники пересекли чердак и спустились по лестнице в другом, противоположном конце дома. Здесь в большом подъезде находился также и вход в дежурную аптеку, расположенную в цокольном этаже. Этот подъезд был открыт круглосуточно. Отсюда Рекс привел в подвал, где помещалась мусорная свалка. Оттуда - снова во двор. Тут следы обрывались.

Рекс остановился метрах в двух от стены. На асфальте смутно отпечатался след левого заднего колеса автомашины. Именно здесь постовой милиционер заметил, как двое неизвестных втаскивали в автомашину какие-то узлы. Тут он бросился к ним, но был остановлен выстрелом в упор, который лишь по счастливой случайности не достиг цели. В следующее мгновение машина рванула с места и исчезла на шоссе.

Резина была старая и потертая. В одном месте, судя по отпечатку, имелся небольшой порез. След

сфотографировали. Когда уже совсем рассвело, неожиданно улыбнулась удача: осматривая двор, Брайцев поднял с земли пустую пистолетную гильзу.

3

Пока Брайцев занимался осмотром места происшествия, в городе произошло еще одно событие.

Около половины четвертого утра лейтенант ОРУДа Шульгин, дежуривший у моста возле Белорусского вокзала, заметил такси, у которого задний фонарик был погашен.

Магический милицейский свисток не возымел действия: машина не убавила хода. Пока Шульгин бежал к своему мотоциклу, такси скрылось из виду. Но постовой в будке на мосту тут же передал по телефону предупреждение по всей линии: любыми средствами задержать машину. У гостиницы «Советская» дежурный ОРУДа старшина Макаркин, выбежав на осевую линию, пытался преградить машине дорогу, но, резко вильнув в сторону и едва не сбив Макаркина, такси свернуло к Бегам и оттуда переулками вырвалось к Хорошевскому шоссе.

На хвосте ее повисли два мотоцикла. Но такси скрылось за поворотом... И когда, преследуя его, мотоциклы миновали поворот, шоссе перед ними уже оказалось пустынным.

Машину нашли за одним из трехэтажных домов, выходящих на Хорошевское шоссе. Левое ветровое стекло было разбито. Номерной знак исчез.

...Начальник одного из отделов Московского уголовного розыска полковник Иван Ильич Северцев приехал на работу рано утром. Из перечня разнообразных происшествий минувшей ночи он выделил те, которые, как ему показалось, заслуживали особенно пристального внимания: нападение на шофера Шутова, кража на Каширском шоссе и находка машины на Хорошевском шоссе. Эти события имели какую-то связь: во всех случаях фигурировали автомашины, а в двух - и огнестрельное оружие. Впрочем, это могло быть и случайным совпадением.

Полковник Северцев, назначив на 12.00 совещание оперативных сотрудников отдела, выехал на Хорошевское шоссе.

Иван Ильич поздоровался с сержантом милиции и, не торопясь, немал осмотр машины. Он не нашел на ней никаких следов от ударов. Почему же в таком случае повреждено ветровое стекло? Северцев установил, что оно разбито с помощью твердого, тяжелого предмета и удар был нанесен снаружи. Рассматривая осколки, Северцев обнаружил на одном из них отпечатки трех пальцев.

...Без четверти десять из бюро пропусков Сергею Васильевичу Брайцеву сообщили, что к нему приехал инженер Лосев.

Лосев был в старой, потертой телогрейке, залатанных брюках, резиновых сапогах - в никем не утвержденной, но общепринятой форме московского рыболова.

- Вот, как видите, весь тут - нищ и гол, как сокол, - сказал он упавшим голосом и опустил на стул. Потом Лосев заговорил, торопливо глотая слова, как бы опасаясь, что он не успеет выговорить все до конца.

Сергей Васильевич слушал, не перебивая, откинувшись на спинку стула, не задавая вопросов и не записывая ничего.

Потом Брайцев начал обстоятельный допрос. Но как ни бились они с Лосевым, тот так и не сумел вспомнить, кто, кроме соседей, к которым он заходил за напильником, мог быть в курсе его выезда на Истринское водохранилище.

И когда уже Брайцев собирался прекратить этот бесполезный разговор, его вдруг осенила новая мысль.

- Пойдите, - спросил он, - а что, эти ваши массовые выезды спиннингистов происходят регулярно?

- Нет, - ответил Лосев, - довольно редко. Например, в данном случае решение было принято на заседании секции.

- И там вы сказали вслух о своем намерении принять участие в массовой?

- Да, но какое это имеет значение?

- Решающее, - заметил Брайцев.

В этот момент дверь кабинета приоткрылась, и помощник Северцева напомнил о том, что Брайцева ждут на совещании у полковника.

Когда Брайцев вошел в кабинет, совещание уже шло. Сообщение делал представитель научно-технического отдела Павел Петрович Аркадьев. Он доложил о данных экспертизы.

Исследованием крови, обнаруженной на паркете у Лосева, было установлено, что она принадлежит

человеку и классифицируется по II группе.

Баллистическая экспертиза показывала, что гильза, найденная во дворе, выстрелена из пистолета системы «ТТ» образца 1933 го да.

Далее. След автомашины «Победа», найденной на Хорошевском шоссе, совпадал со следом, сфотографированным на месте кражи: та же стертая резина, тот же глубокий порез.

Представитель Госавтоинспекции сообщил, что номерной знак «ЭЖ-22-08», записанный постовым милиционером, был выдан на автомашину «Победа», принадлежащую шестому таксомоторному парку столицы.

Что касается отпечатков на осколках стекла, то прошло еще слишком мало времени, чтобы данные о их принадлежности могли поступить из дактилоскопического сектора.

Последним докладывал Брайцев. Он передал содержание своей беседы с Лосевым, сделав упор на коллективный выезд спиннингистов общества «Рыболов-спортсмен».

Теперь слово было за полковником Северцевым. Он поручил Брайцеву возглавить дальнейшее расследование и тут же наметил очередные оперативные мероприятия. Они сводились к следующему: первое - допросить шофера автомашины «ЭЖ-22-08» и выяснить по путевым листам, где находилась машина в период между двенадцатью ночи и четырьмя часами утра. Второе - изучить персональный состав членов секции спиннингистов московского общества «Рыболов-спортсмен», организацию и обстоятельства коллективного выезда на Истринское водохранилище и вероятность причастности кого-либо из членов секции к настоящему делу. Третье - ожидать данных дактилоскопического исследования и в случае необходимости заняться активной разработкой новой версии. На этом совещание закончилось.

Спустя час Брайцев входил в маленький дворик на улице Чкалова. За палисадником возвышалось одноэтажное здание с вывеской московского добровольного общества «Рыболов-спортсмен». Брайцев попросил показать ему учетные карточки участников коллективного выезда.

Не успел Брайцев разложить перед собой обширный пасьянс учетных карточек, как его попросили к телефону.

Звонил Иван Ильич Северцев.

- Немедленно приезжайте, - сказал он, - есть новости.

Брайцев торопливо собрал карточки, сказал, что заедет в следующий раз, и, вскочив в такси, помчался на Петровку.

Полковник разговаривал по телефону. Он знаком предложил Брайцеву сесть и тут же протянул ему две карточки, лежавшие на столе. С первой карточки на Брайцев а смотрело открытое, довольно приятное лицо юноши лет девятнадцати. Рядом была его же фотография в профиль. Под фотографиями шли десять отпечатков пальцев правой и левой руки. На другой карточке были помещены рядом репродукция отпечатков трех пальцев - указательного, среднего и безымянного, сделанная с первой карточки, и фотокопия отпечатков, обнаруженных на осколке ветрового стекла. Узоры удивительно совпадали.

- Вы заметили, в последнее время вам чертовски везет, Брайцев,- сказал полковник, кладя на рычажок трубку,- ключ к делу принесли на блюдечке. Теперь остается действовать.

Брайцев привстал с кресла.

- Сидите, - остановил его Северцев, - я уже послал за старым делом. Сейчас оно будет здесь. Как он там по фамилии, кажется, Коваленко?

Витя Коваленко родился в 1935 году. Москвич. Учился хорошо. Был комсомольцем. Потом умер отец.

Мать работала. Вечерами стирала на соседей белье. Мальчишка был предоставлен самому себе. Когда мать спохватилась, было уже поздно: влияние улицы взяло верх. Появились приятели, великовозрастные парни без определенных занятий. Школа пошла насмарку. Однажды он сообщил матери, что бросает школу. Уговоры и слезы не помогли: сын стоял на своем. Поступил учеником токаря на завод «Станколит», прогулял несколько дней - уволили, устроился на другой завод, потом грузчиком в типографию, потом разнорабочим в какую-то артель. Однажды в компании пьяных приятелей, сорвавших у женщины часы, был задержан. По дороге в милицию пытался бежать. Догнали. Ударил милиционера. Дело рассматривалось народным судом Октябрьского района столицы. Был приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях и отправлен на Север. В лагере тяжело переживал свое положение. Неоднократно заявлял командованию о раскаянии. Отлично работал. И спустя полтора года был досрочно освобожден. Возвратился в Москву. Был прописан по прежнему месту жительства, в Горловом тупике.

- Вам все ясно, Сергей Васильевич? - спросил полковник, старательно завязывая бантиком тесемки на папке.

В домоуправлении Брайцев узнал номер квартиры и по шаткой деревянной лестнице поднялся на второй этаж. Как и во многих старых московских домах, квартира оказалась большой и густо населенной. Сергей Васильевич с трудом отыскивал нужную комнату, но на двери висел массивный замок.

Он постучал к соседям. Дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова девушки.

Очевидно, она только что вымыла волосы и теперь накручивала их на бигуди.

- Вам кого? - спросила девушка, придерживая рукой спадавшую прядь.

Ухватившись за первое, что пришло ему в голову, Брайцев стал объяснять, что он школьный товарищ Виктора, не виделся с ним много лет и вот сегодня, очутившись проездом из Хабаровска в Москве, решил разыскать старого друга.

Но, как видно, неудачно: поезд уходит через несколько часов, а на дверях, увы, замок.

- Неудачно, - согласилась девушка, - кажется, как раз сегодня Витя работает в вечерней смене. Впрочем, точно не знаю. Сейчас должна возвратиться Мария Авксентьевна, она вышла в магазин.

Брайцев догадался, что Мария Авксентьевна, очевидно, и есть мать Коваленко.

- Спасибо, я подожду в коридоре, - сказал Брайцев и посмотрел на часы.

- Зачем же в коридоре? Заходите. - Девушка отстранилась, пропуская Брайцева в комнату. - Только вы уж извините, пожалуйста, у нас тут небольшой разгром.

- Нет, это я должен просить прощения, - возразил Брайцев.

Состоялся обычный в таких случаях обмен любезностями. Брайцев уже проклинал себя за то, что так легкомысленно взялся играть эту не свойственную для него роль. В сущности, что он знал о Викторе Коваленко? Каждое сказанное невпопад слово могло теперь разоблачить его, но отступать уже было поздно. Лавируя между острыми рифами, как опытный лоцман, он начал осторожно расспрашивать девушку о том, как живет теперь его старый друг, где работает, с кем проводит свободное время.

Попросив Брайцева сесть к ней спиной, девушка продолжала заниматься прической. Она охотно отвечала на все вопросы, и чем больше слушал ее Брайцев, тем сильнее росло его недоумение. Нет, это был совсем не тот Виктор Коваленко, образ которого нарисовал себе он по дороге в Горлов тупик.

Коваленко работал на Первом подшипниковом заводе и, судя по рассказу, довольно неплохо: почти ежемесячно он приносил премии. Посещал вечернюю школу рабочей молодежи. Был левым

полузащитником заводской футбольной команды, встречался с девушкой - студенткой московского пединститута. Все это как-то не вязалось с обычными представлениями об уголовном преступнике, уже прошедшем через лагерь.

Покончив наконец с прической, девушка повязала голову косынкой и, усевшись напротив Брайцева, стала, в свою очередь, бомбардировать его вопросами. Она считала долгом хозяйки поддерживать светскую беседу, а Брайцев готов был провалиться сквозь землю, придумывая на ходу несуществующие подробности своей жизни в Хабаровском крае. Неизвестно, как бы закончилось это испытание, если бы на выручку не пришла мать девушки. Узнав, в чем дело, она с готовностью вызвалась помочь Брайцеву:

- Я только что видела Марью Авксентьевну в химчистке. Она сдавала пиджак Витеньки, а сейчас, наверное, в гастрономе: у нее там очередь за яблоками. Пожалуй, я сбегаю за ней: ведь вам каждая минута дорога.

Но Брайцев уже не слушал ее. Упоминание о химчистке поразило его, как удар молнии. Он вспомнил квартиру Лосевых, овчарку, расprostертую на паркете, кровь, старательно растертую чьей-то подошвой. Откуда такое поразительное совпадение, почему именно сегодня матери Коваленко понадобилось отнести в чистку его пиджак? Нет, он не мог, не имел права оставить без проверки этот новый факт.

Стрелки часов приближались к шести. С минуту на минуту мастерская могла закрыться.

- Знаете что,- Брайцев улыбнулся,- пожалуй, не стоит вам беспокоиться. Сейчас шесть, поезд уходит в десять тридцать. Я подумал, если взять такси, то, пожалуй, можно еще обернуться до «Шарикоподшипника» и обратно. Всего хорошего!

И, не дав им опомниться, Брайцев торопливо вышел из комнаты. Он сбежал по лестнице, прыгая сразу через две ступеньки...

Мастерская была уже закрыта, но приемщица еще не успела уйти. Предъявив удостоверение следователя угрозыска, Брайцев прошел в мастерскую и потребовал, чтобы ему показали мужской пиджак, сданный сегодня женщиной по фамилии Коваленко.

Рассматривая его, Брайцев обнаружил на левом рукаве, ниже локтевого сгиба свежую штопку и еле заметное желтоватое пятнышко. С обратной стороны на подкладке пятно уже было значительно больше и а то же время бледнее. Его можно было различить лишь с помощью лупы. Цвет пятен, их форма не оставляли и тени сомнений, что это тщательно замытая кровь.

4

Из мастерской химчистки Брайцев позвонил к себе и вызвал оперативную машину. Теперь, как ему казалось, нужно действовать быстро и решительно. Он был уверен, что одна из основных нитей преступления находится уже у него в руках. В мастерской он оставил расписку и взамен получил пиджак вместе с копией квитанции.

Заскочив на несколько минут в научно-технический отдел и сдав пиджак на исследование, Брайцев захватил с собой двоих оперуполномоченных на случай, если придется провести операцию задержания Коваленко, и выехал на завод.

Оставив товарищей ожидать в машине, Брайцев прошел в цех. Первое, что бросилось ему в глаза, - это была Доска почета, висевшая на стене у самого входа в цех. Фотография во втором ряду справа показалась Брайцеву знакомой: открытое лицо, светлые, слегка прищуренные глаза. Коваленко, ну, конечно же, Коваленко! И как он не узнал его сразу? И опять, как во время разговора с девушкой в Горловом тупике, Брайцева охватило двойственное чувство. С одной стороны, в пользу выдвинутой версии беспощадно свидетельствовали неопровержимые факты: отпечатки пальцев, пиджак, разорванный, вероятно, в схватке с собакой, кровь... Но, с другой стороны, девушка, студентка педагогического института, футбольная команда и, наконец, фотография на Доске почета... Во всем следовало тщательно разобраться, и какой-то внутренний голос настойчиво подсказывал Брайцеву, что опаснее всего поспешить, броситься вперед, напролом, очертя голову.

Он разыскал начальника смены и, не посвящая его в сущность дела, начал осторожно, исподволь расспрашивать о Коваленко. И снова даже тон, даже слова, которыми начальник смены характеризовал юношу, приводили Брайцева все в большую и большую растерянность. Он чувствовал, как с каждой новой фразой начальника ослабевают та единственная нить следствия, которая еще четверть часа назад казалась ему незыблемо прочной.

Но заключительный удар был впереди - и он последовал, когда Брайцев задал своему собеседнику главный вопрос, - собственно, тот, ради выяснения которого он приехал сюда сегодня. Если бы собеседник ответил «нет», Брайцев, несмотря ни на что, все-таки задержал бы Коваленко, но собеседник сказал «да». Да, вчера между двенадцатью ночи и четырьмя часами утра Коваленко находился в цехе, и подтвердить это могут десятки человек.

Брайцев извинился, что отнял время, попрощался и вышел на улицу.

- Все отменяется, - сказал он в ответ на вопросительные взгляды товарищей, с шумом захлопнул дверцу автомашины и, буркнув шоферу: - Назад, на Петровку! - не проронил больше за всю дорогу ни единого слова.

Было уже очень поздно. Рабочий день давно закончился, и, кроме дежурных из опергруппы, все остальные сотрудники разошлись по домам. Полковник Северцев уехал к внуку на дачу.

Сергей Васильевич позвонил в научно-технический отдел, выругался по телефону и в сердцах обозвал всех сотрудников сектора дактилоскопии жалкими кустарями.

- Вы понимаете, - кричал он в трубку, - согласно вашим данным, я обязан был задержать сегодня ни в чем не повинного человека! Могу вас поздравить, все ваши изыскания относительно Коваленко - это бред! Чистейший бред! Если хотите знать, парень физически не мог оставить следов пальцев на стекле автомашины, которую даже не видел в глаза. Одним словом, спасибо вам за помощь, дорогие товарищи!

И, не слушая ответного объяснения, он швырнул трубку. Потом он опустился на диван, обхватил

голову руками и только тут почувствовал, как устал и как ему хочется есть. Он вспомнил, что уже больше суток не спал и не имел за весь день во рту ни единой крохи.

5

Следующий, воскресный день изобиливал новыми событиями, которые круто изменили ход дела.

Прежде всего, измотанный за предыдущие сутки, Сергей Васильевич Брайцев проспал. Он проснулся только в начале одиннадцатого, когда завтрак уже стоял на столе. Однако, к великому огорчению жены, хлопотавшей ради него все утро, он схватил со стола бутерброд с ветчиной и, отказавшись завтракать, исчез из дому.

На Петровке его уже устали ждать. Федя Гринюк - молодой следователь, которому поручили взять на себя разработку версии по шестому таксомоторному парку, - рассказал, что ему без особого труда удалось найти такси с номерным знаком «ЭЖ-22-08». Оказывается, машина уже третью неделю стоит на яме, с нее снят мотор, который находится теперь в капитальном ремонте. Номерной знак отсутствует. Объяснить его исчезновение в шестом таксомоторном парке не могли. Договорились продолжать расследование.

Сведения из скупочных и комиссионных магазинов, куда передали список и приметы похищенных вещей, тоже были малоутешительными. За время, прошедшее с момента кражи, ни один из предметов, поименованных в списке, в магазины не поступал.

Брайцев позвонил на дачу Ивану Ильичу Северцеву и доложил ему об итогах минувшего дня. Факты были довольно противоречивы. Брайцева они сбивали с толку. Однако, когда полковник задал прямой вопрос, причастен или нет Коваленко, по мнению Брайцева, к расследуемому делу, Брайцев, не колеблясь, дал отрицательный ответ.

- Я не допускаю столь тонкой маскировки, такого сочетания вечерней школы с бандитизмом, - обосновывал свою точку зрения

Сергей Васильевич. - А что касается дактилоскопических данных, что ж, вероятно, была допущена ошибка.

- Возможно, возможно... - каким-то неопределенным тоном заметил полковник и замолчал.

- В котором часу Коваленко вступил на смену? - вдруг неожиданно спросил полковник.

- Кажется, что-то около двенадцати, - ответил Брайцев и тут же поймал себя на том, что это не ответ следователя.

- Кажется или вы точно знаете? - Чувствовалось, что полковник недоволен ответом.

- Разрешите, я уточню, - попросил Сергей Васильевич.

- Мне непонятно, - сказал после паузы полковник, - почему вы так твердо уверены, что лица, совершившие нападение на шофера Шутова, непременно были участниками и квартирной кражи? А вы не допускаете разделения труда? В таком случае ваш основной довод относительно алиби Коваленко оказывается беспочвенным. Кстати, не пытались ли вы полюбопытствовать, где и как провел время ваш подопечный, например, между двадцатью одним и двадцатью четырьмя часами? Странно, что вас так заигнотизировала эта ночная смена...

Повесив трубку, Брайцев сгоряча вновь решил съездить в Горлов тупик. Это было абсурдным решением, - очевидно, вся его наивная легенда о старом школьном товарище была уже там полностью разоблачена. Но он чувствовал себя обязанным самостоятельно исправить свой промах. Пока Брайцев ломал голову, как достойнее выпутаться из создавшегося положения, прошло еще минут тридцать - сорок.

Мучительные раздумья прервал телефонный звонок. Говорил дежурный по городу подполковник

Астахов. Час назад от трехрублевых касс Московского ипподрома было угнано такси. Его настигли только что на шоссе в районе Тушина. Юноша лет двадцати, угнавший машину, успел скрыться.

- Вы, кажется, занимаетесь делом об ограблении шофера такси, так вот, мне думается, этот случай для вас небезинтересен, - закончил подполковник Астахов.

- Да, да, - растерянно произнес Брайцев.

Спустя несколько минут раздался еще один звонок. Научно-технический отдел докладывал, что вторичное изучение отпечатков пальцев на осколке стекла подтвердило первоначальный вывод: отпечатки принадлежат Виктору Коваленко. Биологическое исследование замытых пятен на пиджаке показало: по своему составу это кровь II группы, соответствующая групповым признакам крови, обнаруженной на паркете в квартире Лосева.

Положение было не из веселых, и Брайцев решил, что самым правильным сейчас будет поставить в известность обо всем полковника Северцева. Он позвонил за город и кратко доложил Ивану Ильичу о случившемся. Выслушав его доклад, Северцев сказал, что немедленно выезжает в Москву.

Брайцев давно уже не видел полковника таким расстроенным и раздраженным.

- Следователя должны интересовать факты, факты и еще раз факты,- чеканил он, неслышно ступая по ковру.- Отпечатки пальцев - раз. Кровь на пиджаке- два. Наконец, совпадение групповых признаков этой крови - три. Не слишком ли много фактов для чистой случайности? А как объясняет их сам Коваленко? Увы, нам все это еще неизвестно. Почему до сих пор не допрошен Коваленко? Я вас спрашиваю, капитан Брайцев!

Брайцев рассматривал носки своих полуботинок. Он чувствовал: дело оборачивается плохо.

- Даю вам два часа, чтобы разобраться с Коваленко. В восемнадцать доложите мне лично. Не справитесь - будете отстранены от расследования.

Полковник встал, давая понять, что разговор закончен.

Сотрудник, посланный в Горлов тупик, доложил по телефону, что Коваленко ушел из дому в восемь утра и покуда не возвращался. Где он, дома не знают или же не хотят говорить. Брайцев приказал ждать, хотя бы до утра. Но через час Коваленко доставили на Петровку.

Брайцева поразила какая-то мрачная решимость, написанная на лице юноши.

- Что вам всем от меня нужно? - угрюмо спросил он с порога.

- Садитесь,- предложил Брайцев.

- Ничего. Постою.

- Садитесь, вам говорят!

Коваленко сел, положив на колени руки. Руки были большие, тяжелые, привычные к труду.

- Имя? Отчество? Фамилия? Год рождения? - Брайцев задавал первые обязательные вопросы.

- Это что, допрос? - Коваленко встал.

- Сидеть! - приказал Брайцев.

Наступила пауза.

- Я спрашиваю: это допрос? - повторил Коваленко.

- Нет, это беседа между двумя друзьями.

- Послушайте, значит, вы и есть тот самый друг из Хабаровска, который приходил вчера? - Глаза Коваленко еще более сузились. - Довольно дешевый номер. Я думал, у вас работают тоньше.

- Отвечайте на вопросы! - резко сказал Брайцев.

- А собственно, почему я обязан вам отвечать?

- Очевидно, потому, что я следователь.- Брайцев уже с трудом сдерживал себя. - Вы знаете, где находитесь?

- Знаю.- Брайцев заметил, как Коваленко стиснул зубы и на скулах у него запрыгали желваки.- Значит, я обвиняемый. В чем?

В том, что меня судили, в том, что я сидел в лагере... Так неужели теперь всю жизнь, на каждом шагу меня будут попрекать этим? Ведь меня выпустили из тюрьмы. Зачем вы меня выпустили? Зачем?!- Он почти кричал.

- Без истерики! - оборвал Брайцев. - Здесь видели артистов и похлестче.

Опять наступила пауза.

- Что вам от меня нужно? - глухо спросил Коваленко.

- Не торопитесь, сейчас узнаете. - Брайцев точно рассчитывал удары. - В пятницу вы пользовались такси?

- Нет.

- А в четверг?

- Нет. И в среду нет, и во вторник, и в понедельник. Я пользуюсь только метро. Вас это устраивает?

Брайцев встал, прошелся по кабинету и, закулив, внимательно посмотрел на Коваленко.

- Устраивает, - ответил Брайцев и, не давая ему опомниться, задал следующий вопрос: - В котором часу в пятницу вы заступили на смену?

- В ноль часов, можете справиться в табельной.

- А где вы были между двадцатью одним и двадцатью четырьмя часами?

Коваленко насторожился.

- Где был, там уже нет меня.

- Потрудитесь отвечать точно! - повысил голос Брайцев.

- Я отказываюсь отвечать на это.

- Хорошо, оставим пока в покое пятницу. - Брайцев заметно волновался. - А куда вы уходили сегодня с утра?

Коваленко побледнел.

- Почему вы считаете себя вправе влезать в чужую жизнь и так бесцеремонно копаться в ней обеими руками?

- Пока что спрашиваю здесь я! - Брайцева несколько смутил тон Коваленко. - Вы будете отвечать или нет, Коваленко?

- Не буду.

- Отлично.- Брайцев встал из-за стола. - Отлично. В таком случае я сам за вас отвечу. В пятницу вместе с двумя приятелями, один из которых имел на лице шрам...

- Шрам? - переспросил Коваленко и побледнел еще больше.

- Да, шрам. Вот видите, вы уже начинаете припоминать. Итак, вместе с двумя приятелями в девять часов вечера вы взяли у Земляного вала такси и поехали по направлению к Северянину. Там вы ограбили шофера и, возвратившись в город, выбросили его на Третьей Мещанской. Так я говорю?

Коваленко молчал.

- Ночью, примерно в половине второго, заменив на машине номер, - продолжал Брайцев, - ваши друзья приехали на Каширское шоссе, где ограбили квартиру Лосева. Я не стану сейчас останавливаться на подробностях, хотя они нам хорошо известны. Ну, говорить дальше?

Коваленко молчал.

- Что же произошло дальше? Не далее как сегодня в той же компании вы пытались угнать такси. Это было у трехрублевых касс ипподрома.

- Ложь. Все от первого до последнего слова - ложь. Не было этого, - еле слышно произнес Коваленко.

- Было. Все было! И вы об этом не хуже меня знаете.

Он подошел к столу и, взяв заключение дактилоскопической экспертизы, протянул его Коваленко.

- Познакомьтесь, эти отпечатки обнаружены на осколке ветрового стекла ограбленной вами машины.

- Брайцев с интересом следил за выражением лица Коваленко. - Увы, мы привыкли прежде всего верить фактам. Факты, как говорят, - упрямая вещь.

- Не может этого быть! - Коваленко дышал так тяжело, как будто ему не хватало воздуха.- Здесь какая-то дурацкая ошибка.

- А это, по-вашему, тоже дурацкая ошибка? - Брайцев подал Коваленко акт биологического исследования пятен крови и вынул из ящика стола пиджак.- Узнаёте?

- Мой, - упавшим голосом сказал Коваленко.

- Вот видите? - Тон Брайцева стал даже ласковым. - Я так и знал, в конце концов мы должны были понять друг друга. Теперь, я надеюсь, дела пойдут веселее.

И вдруг в юноше, сидевшем перед Брайцевым, произошла непонятная перемена. Губы его задрожали, глаза наполнились слезами, и, по-мальчишески всхлипывая, он закричал:

- Пишите все, что хотите, пишите! Да, грабил, воровал, убивал, мать родную зарезал, отца задушил!.. Будьте вы все прокляты! Мне все равно, слышите вы, все равно!.. - Он рыдал, закрыв лицо своими тяжелыми руками.

Брайцеву стало не по себе. Он меньше всего ожидал такого оборота.

- Послушайте, я не могу принять всерьез ваше заявление,- стараясь говорить как можно спокойнее, сказал он. - Дело весьма серьезное.

Коваленко плакал навзрыд, вздрагивая всем телом. И снова Брайцева охватило уже знакомое ему двойственное чувство: с одной стороны, факты, с другой... Впрочем, черт его знает, что было с другой! Брайцев задал еще несколько маловажных вопросов, но Коваленко даже не поднял головы.

- Что ж, посидите в коридоре, подумайте, я вас вызову, - сказал Брайцев и отправился на доклад к полковнику.

Ивана Ильича насторожило это внезапное признание. Он тоже почувствовал, что здесь не все ладно. Однако неумолимые факты обуславливали дальнейшие действия, и Северцев скрепя сердце отдал приказ о задержании Коваленко. Так закончился еще один день.

В понедельник с утра Северцев решил сам допросить Коваленко. В кабинет полковника вошел юноша среднего роста, щеки уже успели ввалиться, под глазами появились темные круги.

Северцев, который день назад мельком видел его, поразился столь быстрой перемене. Коваленко был бос, без пиджака. Брюки, лишенные ремня, то и дело спадали, и он неловко придерживал их рукой.

- Хорошо! - без улыбки заключил полковник. - В камере пощипали?

Коваленко не ответил.

- Не волнуйся, - успокаивающе сказал Северцев. - Сейчас все будет возвращено.

Просмотрев список заключенных камеры № 14, он приказал привести арестованного Шамшурина.

- Вот что, Бирюк, а вещи-то придется вернуть.

- Невозможно, - нагло улыбаясь, пояснил уголовник, - проиграл в карты.

- Кто проиграл?

- Я, ваше величество!

- Не паясничать! - Это было сказано таким тоном, что даже конвойному стало не по себе.- Вы слышали? Чтобы вещи были! Сейчас же!

- Слушаюсь, гражданин начальник! - И, недобро подмигнув Коваленко, Бирюк скрылся за дверью.

Не прошло и пяти минут, как тот же конвойный принес пиджак, полуботинки, галстук, запонки и носки. Все было в полной сохранности.

Прислонясь к стене, Коваленко надевал ботинки.

- Садись в кресло, тебе же неудобно, чужак, - совсем по-домашнему предложил полковник.

- К арестованным полагается обращаться на «вы», - заметил Коваленко.

- А я к тебе обращаюсь не как к арестованному.- Полковник подошел к Коваленко. - Эх, ты, герой, герой! Ну, садись, что ли, чего уж тут церемониться!

Коваленко сел в кресло. Полковник опустился напротив.

- Чувствую, ты что-то скрываешь от нас. И вроде как будто бы парень ты неплохой...

- Что? Подход пробуете найти.- Глаза Коваленко глядели с нескрываемой злобой. - Бросьте, ни к чему это все, гражданин начальник! Я же признался. Любой протокол дайте. Не читая, подпишу. Что вам еще нужно? Оставьте меня в покое!

- Дурак! - в сердцах произнес Северцев. Они помолчали. - У меня сын такой был. Тоже, как пень, упрямый. Погиб в сорок первом под Гжатском... - Он тяжело выдохнул воздух и как-то весь сник - плечи ссутулились, глаза потухли, и Коваленко почувствовал, как тяжело сейчас этому усталому, уже далеко не молодому человеку.

...Не спрашивая ни о чем, Иван Ильич заговорил о сыне. Он рассказывал неторопливо и подробно о

его склонностях и привычках, о ночах на рыбалке, которые они коротали вместе. И в каждом слове сквозило порою трудно уловимое, немного суровое, но неизменно теплое отцовское чувство, то самое мужское тепло, которого все эти годы так не хватало Виктору Коваленко.

Одно откровение порождает другое. Виктору вдруг неотвратимо захотелось открыть этому, в сущности, постороннему человеку свою душу, рассказать о том, чем он не стал бы делиться даже с матерью, хотя считал ее самым близким и, пожалуй, единственным другом.

Да, он был в лагере, но об этом сейчас не к чему вспоминать, было и прошло... Он говорил о девушке, и Северцева поразили какая-то свежесть и глубина чувства, словно откуда-то издалека вдруг пахнуло на него теплым ветром его юности...

История была коротка, она не блистала новизной и заканчивалась печально. Он объяснился девушке, но родители были категорически против; она спросила разрешения у родителей и отказала. Ее отец, преподаватель физики, человек старых правил, не желал и слышать о том, чтобы дочь вышла замуж за амнистированного. Так они разошлись.

- Когда это случилось? - спросил полковник.

- Вчера. Мы встретились в двенадцать дня, и она мне сказала...

- И вы провали вместе, весь этот день?

- Нет. В четверть первого она ушла.

- А дальше? Ведь тебя целый день не было дома.

- Это опять допрос?

- Мне просто интересно узнать, что было дальше.

- Дальше я бродил по улицам и думал. Иногда необходимо остаться одному. Я думал, что ее отец по-своему прав: мало ли хороших ребят с чистой анкетой?

- Чепуха! - уверенно сказал Северцев и повторил с ударением: - Чепуха!

- Не чепуха, гражданин начальник.

- А почему ты не рассказал следователю того, что говоришь сейчас мне?

- Потому что я не хочу, чтобы ее вмешивали в это дело.

- Ну, а ты сам?

- Мне уже все равно.

- Глупо.

- Не знаю.

- Эх, дорогой ты мой! - Северцев наклонился к Коваленко. - Давай-ка без всяких церемоний говорить о вещах прямо, мы же с тобой не дети. Допустим, я поверил, что ты не причастен к делу, которое лежит на моем столе. Но, согласишься, одной только уверенности недостаточно, если ей противостоят факты, свидетельствующие не а твою пользу. Возможно, эти факты базируются на недоразумениях, будем считать их цепью трагических заблуждений, но кто нам поверит, даже мне? Пойми, без тебя мы бессильны установить истину, только ты сам можешь помочь нам. Только ты сам. Ты веришь мне, Виктор?

- Верю.

- Ну вот и отлично! - Полковник улыбнулся. - Первый вопрос: где, как и когда ты поранил руку? Только правду, без всяких фокусов.

- В четверг вечером меня ударили ножом.
- Кто?
- Я его не знаю.
- За что?
- Это длинная история. Она началась еще в лагере...

6

Проходя вечером через внутренний двор угрозыска, Брайцев был остановлен неожиданным зрелищем. У освещенной прожектором машины такси сидел на корточках Иван Ильич и раскладывал на листе фанеры осколки ветрового стекла. Ему помогал эксперт Аркадьев.

- К чему вы затеяли это? - спросил Сергей Васильевич.
- Очевидно, не из праздного любопытства.
- Усомнились в виновности Коваленко?
- Откуда вы догадались?
- А как же быть с фактами? - Брайцев платил полковнику его же монетой.
- Факты нужно анализировать, а не плестись у них на поводу.

Это было довольно нудным занятием- складывать из осколков ветровое стекло. Дело подвигалось медленно, и Северцев ухитрился дважды порезать себе палец. Но все на свете имеет конец, и постепенно очертания стекла на фанере стали принимать все более законченные формы. Лишь кое-где осталось несколько пустых участков, заполнить которые оказалось невозможным: от сильного удара часть стекла разлетелась в пыль.

- Я думаю, достаточно, - сказал полковник, вытирая платком пыльные руки. - А теперь, Аркадьев, давайте-ка сюда наш злополучный осколок.

Увы, для нового осколка, представляющего вытянутый треугольник, на фанере явно не оставалось места.

- Кому понадобилась эта комедия? - поразился Брайцев.
- Меня самого занимает тот же вопрос, - задумчиво произнес полковник, - кому и зачем? И откуда не будет найден ответ, вряд ли мы сдвинемся с места.

Они направились в лабораторию. С помощью качественного спектрального анализа нужно было установить, к какому типу стеклянных изделий относятся тот и другие осколки.

Анализ показал, что исследуемый осколок с пальцевыми отпечатками состоит из сплава поли- силикатов, содержащих примеси титана и железа.

- Это - настольное стекло,- заключил Аркадьев.- Как оно могло попасть в автомашину, уму непостижимо!

Наступила пауза. Полковник подошел к окну и стал барабанить по стеклу пальцем. Ночная бабочка, случайно залетевшая в комнату, забила о стекло. Полковник приоткрыл окно, и бабочка улетела. Потом он резко обернулся к Брайцеву:

- Пройдемте ко мне. Нужно сейчас же переговорить с Коваленко.
- Вы забыли о времени, Иван Ильич,- осторожно заметил Брайцев, - допросы разрешаются только до шести, а сейчас уже, слава богу, четверть двенадцатого.
- Это не допрос. Просто мы проведем с ним вечер вместе. Я даже попрошу, чтобы нам принесли по чашечке кофе.

Вместе с Коваленко они самым тщательным образом стали восстанавливать в памяти все события последних пяти дней. Где он бывал? С кем встречался? О чем разговаривал?

В этом неторопливом экскурсе назад не было незначительных мелочей и маловажных деталей, все интересовало полковника. Наконец, где-то около четырех утра полковник нашел то, что разыскивал с таким упорством.

- Он остановил меня у проходной, - рассказывал Коваленко, - и предложил зайти напротив, выпить по кружке пива. Есть у нас там такая забегаловка. Сели за столик.

- Стол был покрыт скатертью или клеенкой? - как бы между прочим спросил Северцев.

- Нет, сверху лежало стекло. Он сказал, что пришел от имени Урганова, которого я должен помнить по лагерю. Потом сообщил, что собралась группа своих ребят, решивших провернуть дело, о котором Урганов мне рассказывал раньше. Я спросил, на свободе ли Урганов. Он ответил, что это не имеет значения, а главное, друзья его сейчас здесь. И он предложил мне принять участие в этом деле. Я сразу же отказался и объяснил, что веду совсем другую жизнь и такими делами не занимаюсь. Он не уговаривал, а только спросил, сохранился ли у меня план, который давал Урганов.

- Что за план? - перебил полковник.

- Это тоже было а лагере. Когда стало известно, что я выхожу на волю, Урганов начертил мне план, по которому я должен был отыскать человека, чтобы после работать с ним, вернее, с ними, - Урганов говорил, что там целая группа.

- Вы воспользовались планом?

- Собираясь воспользоваться отыскал улицу, даже во двор зашел и вдруг передумал. Потом я где-то потерял эту бумажку.

- Вы помните адрес?

- Названия улицы я не знаю, но показать, если необходимо, смогу.

- А фамилия? Как фамилия человека, к которому вы шли?

- Фамилии не было, я знал только кличку - Скокарь.

- Так, - полковник щелкнул портсигаром и протянул Коваленко папиросы. Закурили. - Простите, я перебил вас. Так что же вы ответили ему по поводу плана?

- То же, что и вам.

- Ну, а он?

- Он сжал мою руку и сказал, чтобы я забыл имя Урганова и дом, к которому приходил.

- Вы говорите, он сжал вам руку. Покажите, в какой позе вы сидели, это очень важно.

Коваленко придвинул стул и сел вполоборота к письменному столу.

- Вот так на столе лежала моя рука, он положил свою сверху. Потом мы встали. В кружке у него оставалось немного пива, и он допил его стоя. Вдруг он закашлялся, и кружка выпала из рук. Стекло на столе разбилось. Появился заведующий, но он выложил пятьдесят рублей, и все утряслось. Я спросил, почему так много: стекло от силы стоит рублей двадцать. Он сказал: «Мы денег не считаем». На прощание он еще раз предложил мне подумать, и я еще раз отказался. Тогда он предупредил, что я пожалею об этом, потому что «вход в блатную компанию стоит рубль, а выход из нее два рубля»...

Было поздно. Коваленко уже устал. Но полковнику, напавшему на золотую жилу, не хотелось так быстро расставаться с ней.

- Когда это произошло? - спросил он.

- В четверг.

- А ножом вас ударили в пятницу?

- Нет, в тот же вечер, когда я был в Загорянке.

Продолжать допрос становилось бессмысленным: у парня слипались глаза.

- Последний вопрос. - Полковник говорил почти умоляюще. - Как выглядел этот человек?

- Обыкновенно: среднего роста, коренастый, в черном пальто, волосы светлые, на левой щеке шрам...

7

Летняя ночь коротка. Когда Северцев с Брайцевым вышли на Петровку, уже начинало светать.

Они медленно шли по направлению к центру. Иван Ильич шутил, и Сергей Васильевич чувствовал, что у его спутника отличное настроение. Для этого было основание: удалось нащупать ту главную нить, с помощью которой вскоре распутается и весь узел. Версия приобретала законченные формы, и полковник без труда изложил ее Брайцеву.

Итак, во время своего пребывания в лагере молодой и неопытный Коваленко попал на глаза матерому уголовнику Урганову. Тот пригрел парнишку, быстро подчинил его своему влиянию, рассчитывая в будущем сделать одним из своих помощников. Как раз в этот период Урганов вынашивал план какого-то нового дела, которое собирался осуществить, когда окажется на свободе. Дабы поразить воображение юноши, он поделился с ним своим замыслом. Но произошло непредвиденное: Коваленко отказался.

Он работал, чтобы по возможности сократить срок заключения и таким образом порвать с Ургановым. Тот заметил эту перемену, но не придавал ей особого значения. Коваленко нужен был ему не сейчас, и опыт подсказывал Урганову, что есть немало способов, с помощью которых впоследствии легко будет отрезвить юношу, если тот, паче чаяния, совсем отобьется от рук.

Поэтому, узнав, что Коваленко амнистирован, он, не задумываясь, начертил ему план местонахождения «малины» - главной штаб-квартиры его банды.

Но Урганов еще раз ошибся. Перспектива честной жизни оказалась для юноши увлекательнее грязной «романтики» уголовщины: он не пришел в шайку. Более того: каждый новый шаг Коваленко - вечерняя школа, футбол, девушка - оставлял у участников банды все меньше и меньше сомнений относительно его теперешних взглядов на действительность.

Таким образом, в Москве оказался свидетель, посвященный в замыслы Урганова, человек, знающий явки, имеющий возможность в любой момент провалить банду.

Отчаянные попытки «привести мальчика в чувство» окончились безуспешно. И вот тут-то... Здесь можно было поставить жирный вопросительный знак, потому что дальнейшие действия ургановских молодчиков противоречили элементарной логике.

- Допустим, что удар ножом в Загорянке, - рассуждал вслух Северцев, - был оправданным действием с ясно поставленной целью: устранить свидетеля. Но для чего им понадобилось впутывать Коваленко в историю с такси, подвергать его опасности ареста и ставить под угрозу судьбу всей банды, когда они отлично понимали, что Коваленко на допросе может рассказать все?

- Что ж, - после паузы заметил Брайцев, - вполне возможная версия. Однако у нас с вами нет еще уверенности, что это не просто красиво придуманная легенда. Я помню аналогичный случай в сорок шестом, в Брянске...

- Оставим в покое воспоминания, - перебил Северцев. - Завтра, то есть уже сегодня с утра, вы посетите пивную на Шарикоподшипниковской улице и проверите показания Коваленко. Хорошо было бы найти остальные осколки настольного стекла, даже если для этого вам пришлось бы съездить на городскую свалку. Я возьму на себя Загорянку. Сойдутся концы с концами, - значит, ночью мы проведем операцию по очистке ургановского гнезда.

- Во вторник одним из первых посетителей пивной на Шарикоподшипниковской улице был Сергей Васильевич. Заведующий, представительный мужчина лет сорока пяти, вначале долго не мог понять, чего,

собственно, добивается от него этот вежливый молодой человек.

Да, действительно, случай, которым интересуется товарищ следователь, имел место. Когда? Несколько дней назад. Возможно, в четверг? Именно в четверг, - впрочем, число легко уточнить по акту. А разве был составлен соответствующий акт? Разумеется. Как же можно без акта. Пускай стекло стоит гроши, а все-таки государственная собственность.

- Не сохранились ли случайно осколки стекла? - спросил Брайцев.

- К сожалению, нет. - Заведующий широко улыбнулся. - Скорее всего, их выбросили вместе с остальным мусором в выгребную яму, тут, во дворе. Это уже не первый случай. Тонкое прислали с базы стекло, ни в коей мере не может служить настольным.

Брайцев вышел во двор. Он установил, что яму чистят раз в две недели и последняя машина приезжала за мусором дней десять назад. К великому удивлению заведующего пивной, официантки и жильцов дома по

Шарикоподшипниковской улице, Брайцев, сняв китель, полез в выгребную яму.

...Северцев приехал из Загорянки только в начала пятого. На письменном столе его ожидало стекло, привезенное с Шарикоподшипниковской улицы, и акт спектрального анализа.

- Показания Коваленко соответствуют действительности, все сошлось, - доложил Брайцев.

Но Северцев даже не читал акта.

- Не могло не сойтись! - воскликнул он. - Ах, если бы вы только знали, до чего ж это замечательный парень! - Северцев звонко щелкнул портсигаром и с удовольствием затянулся папиросой. - А ну-ка, давайте его сюда!

...Дверь кабинета приоткрылась. На пороге в нерешительности остановился Коваленко.

- Проходи, проходи! - слегка подтолкнул его в спину конвойный.

- Можете заниматься своими делами, Лукин, - весело сказал полковник.

Конвойный не понял. Он продолжал стоять, переминаясь с ноги на ногу.

- Товарищ Коваленко освобождается из-под стражи, - объяснил Северцев. - Давай, Виктор, подсаживайся к нам.

Но глаза Коваленко по прежнему смотрели с недоверием.

- Честное слово, освобождаетесь! - повторил полковник. - Вот чудак-человек, не верит! - И он обернулся, ища поддержки у Брайцева. Брайцев утвердительно кивнул головой.

- Между прочим, - в глазах полковника заиграли веселые искорки, - мы с тобою теперь в некотором роде родня. Я, кажется, отлично справился с ролью свата.

- Вы были там? - Губы юноши сжались. - Вы же дали мне слово не вмешивать ее в это дело!

- А разве я говорил, что вмешал? Я просто съездил, как сват, - и полковник звонко рассмеялся.

- А чем же вы объяснили им свой приезд?

- Просто. Решил похлопотать за друга, вернее, за сына моего старого друга. Короче говоря, батька не возражает.

- А вы не шутите?

- Вот еще, охота была мне с тобой шутить!

Теперь уже рассмеялся Коваленко.

- Так, значит, мне можно идти, Иван Ильич? - Он впервые обращался к нему по имени-отчеству.

- Разумеется, - ответил полковник, потом, немного помедлив, спросил: - Кстати, какие у тебя планы на вечер?

- Увижусь с матерью, в баню схожу и потом к Наташе. А в чем дело-то?

- Видишь ли, Виктор, мы хотели просить тебя, чтобы сегодня вечером ты проводил нас на ургановскую «малину».

- Сегодня не могу. Сегодня я поеду к ней! - упрямо и, как показалось Северцеву, даже зло отрезал Коваленко.

Но полковник не сдавался. Он исподволь начал новую атаку.

- Это в твоих же собственных интересах, Витя, еще немного задержаться тут. Кто может поручиться, что Урганов еще раз не попытается свести с тобою счеты?

- Свободен я или нет? - глухо спросил Коваленко.

- Формально я не имею никакого права далее задерживать тебя здесь. Но чисто по-человечески...

- По-человечески нужно отпустить меня! А что касается Урганова, в конце концов эта история началась не сегодня с утра. До сих пор он меня не слопал. Будем надеяться, что обойдется и впредь.

- Как знаешь, - развел руками Северцев. - Но завтра в десять утра быть здесь! Ясно?

- Ясно, - улыбнулся глазами Коваленко.

- Ступай! Капитан оформит тебе пропуск.

Проводив Коваленко, Брайцев возвратился в кабинет Северцева.

- И все-таки вы зря отпустили его сейчас, Иван Ильич.

- А вы думаете, что можно было содержать его под стражей до окончания следствия? Сколько еще продлится оно? И сколько там человек, в ургановской банде? Кто нам позволит держать хлопца? Никто.

Соединившись с таксомоторным парком, он сообщил, что можно присылать за машиной: она ему больше не нужна. Потом, вызвав к себе лейтенанта Гринюка, поинтересовался, какие новости в шестом таксомоторном. Особых новостей не было; расследование подвигалось туго.

Стрелки часов приближались к шести. Северцев вызвал машину и уехал домой.

...Ночью его разбудил телефонный звонок. Докладывал дежурный по МУРу. На перегоне между Мытищами и Тайнинкой с электрички сорвался юноша. Был ли это несчастный случай, самоубийство или убийство - установить не удалось. Несколько пассажиров и проводник, находившиеся в вагоне, слышали крик о помощи, но, выскочив на площадку, уже не обнаружили никого. Труп был доставлен в Мытищи и сдан в морг районной больницы. На трупе нашли документы, удостоверяющие личность погибшего: заводской пропуск и паспорт на имя Коваленко Виктора Григорьевича, 1935 года рождения.

Полковник застонал и уронил трубку.

Через двадцать минут после телефонного звонка Северцев уже был в Мытищах. Он с трудом отыскал дежурного врача и вместе с ним спустился в подвал, где помещался морг. Морг был совсем пустым. В маленькой больнице умирали редко.

- Вон там, в углу, - указал врач, пропуская Северцева вперед.

В углу, у бетонной стены, слегка позеленевшей от сырости, на железном столе лежало тело, покрытое чем-то белым. Из-под простыни виднелись желтоватые ступни. Они казались неестественно большими.

Северцев подошел к столу, приподнял край покрывала и тотчас же опустил его. Последняя слабая надежда, что произошло какое-то недоразумение, рухнула. Он узнал это лицо - под простыней лежал Коваленко.

Северцева охватила апатия.

Коваленко был мертв. И вместе с ним исчезла та основная нить, с помощью которой Северцев рассчитывал так легко довести до конца следствие. Он не знал адреса ургановской «малины», и назначенная на завтра облава уже не могла состояться. Он не имел понятия о характере преступления, которое задумывал в лагере Урганов: Коваленко не успел рассказать об этом...

Единственное, что еще оставалось в руках Северцева, - это сам Урганов. И, возвратившись перед рассветом к себе на Петровку, он послал зашифрованную телеграмму начальнику лагеря.

В полдень пришел подробный ответ. Алексей Урганов, осужденный к двадцати годам лишения свободы, из лагеря бежал. Ввиду бушевавшей пурги организовать немедленные поиски не представлялось возможным. Однако весной, когда стал таять снег, в тундре, неподалеку от лагеря, был найден обглоданный хищниками человеческий скелет. При исследовании обрывков одежды на поясе кальсон обнаружили вышитую черными нитками фамилию владельца: «Урганов». Скелет погребли на кладбище при лагерном госпитале, и дело Алексея Урганова было прекращено.

У Северцева опустились руки: последняя нить оборвалась. Так закончилась первая версия, оставив много недоуменных вопросов и не пролив никакого света на существо дела.

8

Два ограбления, убийство Коваленко, угон такси - это уже было слишком. Вечером Северцева вызвали к руководству. После весьма неприятного объяснения он возвратился к себе и заперся в кабинете.

Что делать дальше? Он не мог ответить на этот вопрос. Обычная уверенность в своих силах теперь покинула его. Почва уходила из-под ног, и он тщетно искал вокруг спасительную точку опоры.

- Вспомните хорошенько, - спросил он Брайцева, - вы никому не рассказывали историю Коваленко?

Вопрос был праздным. Сотрудники угрозыска вообще не отличались болтливостью, тем более на столь щекотливые темы.

- Я все время думаю, - продолжал Северцев, - каким образом за пределами тюрьмы стало известно о показаниях Коваленко? Возможность самоубийства я отбрасываю сразу же: собираясь жениться, люди обычно не кончают с собой. Несчастный случай тоже маловероятен. Вот акт анатомического исследования. Как показало вскрытие, Коваленко был трезв. Значит, почти несомненно, он убит, и это убийство было подготовлено заранее.

Брайцев осторожно попробовал изложить свою точку зрения. При создавшемся положении первое, что нужно было сделать, - это установить каналы, по которым сведения о Коваленко проникли за пределы уголовного розыска. Таким образом, исследуя связь за связью, Брайцев рассчитывал добраться до самой банды. Несмотря на сложность и длительность предложенной операции, за неимением ничего лучшего, Северцев согласился.

С чего же начинать? Естественно, что первым объектом для поисков решили избрать камеру № 14, где среди других подследственных лиц еще сутки назад сидел Виктор Коваленко.

Полковник отдал приказ приносить ему на просмотр всю переписку камеры № 14. В четверг ничего подозрительного обнаружить не удалось. А в пятницу стало известно: камера № 14 уже знала о том, что Коваленко убит.

Тогда Северцев решил применить обходной маневр. Кроме профессиональных уголовников, в камере № 14 находился состоящий под следствием председатель одной мелкой артели, арестованный за различные махинации в области производства бытовой резинки. Он почти ежедневно сочинял пространные петиции, сетуя на тяжелые условия и невыносимое общество. Северцев взял одну из таких петиций и пригласил автора к себе.

- Мне поручили разобраться, что там у вас происходит, - сказал он скучающим, безразличным тоном.

Значительная часть показаний не представляла интереса для Северцева. Но Северцев заранее запаса терпением. Он знал: дойдет очередь и до истории с Коваленко. И не ошибся.

- А по ночам, - рассказывал уже успевший вспотеть председатель артели, - один из этих типов имеет привычку перестукиваться с соседней камерой. Я, как интеллигентный человек, вообще не привык спать на нарах, а тут еще этот бесконечный стук.

- Кто именно? - впервые перебил Северцев.

- Не знаю. У всех там какие-то дикие клички. Я не запоминаю их.

- Продолжайте.

- Сегодня, например, стали стучать из соседней камеры, и тот же самый тип, о котором я уже рассказывал, собрав вокруг себя своих друзей, таких же головорезов, как и он сам, о чем-то долго

перешептывался с ними. Но я слышал их разговор. Я притворился спящим. В камере так скучно: каждая новость интересует тебя.

- Что же вам удалось узнать?

- Так, пустяки. Впрочем, это даже не имеет отношения к предмету нашего разговора.

- Нет, говорите.

- Извольте. Они говорили, что юноша, который сидел вместе с нами, кажется, Коваленко, если не ошибаюсь... Должен сказать, что я ничего к нему не имею, очень приятный и даже корректный юноша. Так вот, оказывается, Коваленко убит за то, что якобы выдал каких-то там своих сообщников. Простите, это правда?

- Правда, - подтвердил Северцев. - А что касается причин, не могу сказать, просто не в курсе дела.

Помолчали.

- Так вы говорите, что это сообщение поступило из соседней камеры? - решил уточнить Северцев.

- Совершенно верно. Перед этим они как раз перестукивались. Но мы отвлеклись...

- Нет, достаточно. - Северцев встал.

- Позвольте, я же не рассказал главного! Они там собираются играть на меня в двадцать одно! Они...

- Достаточно, - повторил Северцев. - Вас переведут в другую камеру. Без уголовников...

...Камера № 14 была по коридору крайней и справа не соседствовала ни с кем. Оставалась левая камера под номером 13. Она была небольшой - всего на три человека.

Не откладывая дела в долгий ящик, Северцев тут же выяснил, кому из заключенных этой камеры была сегодня вручена передача или письмо. Спустя десять минут он уже знал фамилию: Гонтарь. Это был квартирный вор, имеющий за плечами длинный хвост судимостей.

Дальнейшие оперативные мероприятия также не представляли особых трудностей. Без всякого предупреждения, в неурочный час, трое заключенных были выведены на прогулку.

В их отсутствие камеру обыскали. В щели между стеной и нарами Брайцев обнаружил изорванное в мельчайшие клочки письмо. Когда их сложили, они оказались отрывком письма. Фраза гласила: «Николай просит передать благодарность Бирюку, и скажи ему, что мальчик расшибся».

- Есть! - хлопнул по столу Северцев. - Есть, - повторил он упавшим тоном. Даже его, издавшего виды, потряс неприкрытый цинизм написанного.

...Цепочка начинала вырисовываться. Она выглядела примерно так: Бирюк - Гонтарь - затем какой-то его корреспондент, связанный с безусловно интересующим следствие Николаем.

С письма была снята фотокопия, потом Брайцев аккуратно собрал обрывки и, чтобы не вызвать подозрений у Гонтаря, водворил их на прежнее место. После этого заключенных вернули в камеру.

Теперь нужно было установить личность автора письма и его связи. Судя по почерку, писала женщина.

Выяснилось, что Гонтарь не получал писем по почте. Записки шли вместе с передачей. Передачи приносила мать или сестра.

Гонтари жили в одном из тихих переулков, примыкающих к Таганской площади. С помощью

участкового уполномоченного Северцев установил, что в семье есть ребенок - сын Марии Гонтарь; мальчик недавно перенес операцию аппендицита и находится в детской районной больнице.

Раз в неделю, по воскресеньям, лечащие врачи больницы встречались с родителями. Дарья Захаровна Гонтарь, бабушка, воспитывающая шестилетнего Юру, была хорошо знакома с палатным врачом Елизаветой Петровной. Поэтому ее крайне удивило, когда Елизавета Петровна не стала разговаривать с ней и попросила зайти к заведующему отделением.

Он принял Дарью Захаровну в своем кабинете и оказался на редкость приветливым и душевным человеком. Доктор был уже не молод, редкую шевелюру посеребрила седина, глаза смотрели внимательно и добро.

«Господи,- подумала она,- наверное, с Юркою худо!..» Сердце ее забило часто-часто.

- Не волнуйтесь, - поспешил предупредить доктор. - Ваш внук чувствует себя прекрасно.

- Слава богу! - произнесла она одними губами.

Она сидела по-старушечьи прямо, сложив на коленях руки, и ждала: зачем же ее пригласил к себе этот важный врач?

- Вот Елизавета Петровна жаловалась мне, что ей ни разу не приходилось разговаривать с матерью Юры. Разве у мальчика нет родителей?

- Я ему мать! - сердито ответила бабушка.

- Ребенку уже шесть лет. Он все понимает, - продолжал доктор. - И, естественно, ему обидно видеть, что соседей по палате навещают чуть ли не каждый день, а его мать не была здесь ни разу.

Удар был рассчитан верно и достиг своей цели.

- Разве ж она ему мать? Она... Вот кто она такая! - У нее вырвалось грубое, оскорбительное для женщины слово, и тотчас же, испугавшись своей дерзости, она опасливо подняла глаза на врача. Но лицо его по-прежнему было спокойным, как будто ничего особенного не произошло. И это понимание, это молчаливое участие, которое порою действует сильнее самых горячих слов, окончательно сломили Дарью Захаровну Гонтарь. И, сама не понимая почему, она стала рассказывать этому, в сущности, совершенно незнакомому ей человеку всю свою жизнь, все свои горести и печали, не приукрашивая и не тая ничего.

Из этого рассказа Северцев почерпнул многое. Он узнал, что Мария Гонтарь давно уже ведет бездумный и разгульный образ жизни. Даже сама Мария затрудняется сказать, кто приходится отцом Юре. Все это объясняется влиянием брата, появляющегося дома от тюрьмы до тюрьмы. Марию посещают его приятели, которые приходят так же внезапно, как и исчезают. Вот и сейчас дочь встречается с каким-то Николаем- мрачным, нелюдимым типом, которого даже сама Мария боится...

- На какие же средства вы существуете? - не без умысла спросил Северцев.

- У меня пенсия, а она... талоны продает в ГУМе, - простодушно ответила Дарья Захаровна.

- Какие талоны? - Иван Ильич сделал вид, что не понял ее.

- Известно, какие: выписывает чек, а потом продает его, кому очень нужно, - какой за пятнадцать рублей, а какой и за полторы сотни. Это смотря по товару.

- Вот что, пускай она завтра придет ко мне. С утра я сам поговорю с ней! - категорически заявил Северцев. - В самом деле, на что это похоже, чтобы мать так безразлично относилась к ребенку!

- Не придет она. Не придет. Разве ж я ей не говорила?

- А вы солгите на этот раз. Вы скажите, что с сыном очень плохо.

Мария пришла. «Заведующего отделением» на месте не оказалось, и с нею говорил «заместитель». Разговор был недолгим. Доктор был рад познакомиться с матерью больного и предупредил ее, что ребенок, перенесший тяжелую болезнь, будет нуждаться дома в строгом уходе и, что самое главное, в непрестанном внимании к себе. Мария Гонтарь ушла в полном недоумении: неужели для того, чтобы высказать ей пять общих фраз, нужно было так настоятельно требовать ее прихода в больницу.

А оперативному уполномоченному Карпатову только и нужно было увидеть это лицо, чтобы запомнить его хорошенько.

На следующее утро в ГУМе, а очереди за цигейковыми манта, Карпатов издали указал милиционеру на Марию Гонтарь. Через полтора часа она была задержана и вместе с женщиной, купившей у нее чек, доставлена в дежурную комнату милиции при ГУМе.

Лейтенант милиции Адоскин был уже знаком Гонтарь по встречам в магазине, его, как огня, боялись спекулянты.

Он был беспощаден и не желал слушать никаких оправданий. Напрасно она клялась ему, что больше ни разу в жизни не переступит порог ГУМа, напрасно она рыдала, размазывая по щекам краску с ресниц. Неумолимый лейтенант составил протокол, и Гонтарь скрепя сердце поставила под ним свою подпись.

«Ну, все, - решила она, - посадит». И уже примирилась со своей участью, но неожиданно ситуация изменилась. Спасение явилось в образе незнакомого капитана, заглянувшего в комнату как бы между прочим. Он сочувственно взглянул на Марию, и та, ухватившись за этот взгляд, как за спасительную соломинку, не преминула соорудить ему глазки. Капитан клюнул на этот маневр и, устроившись на диване, стал смотреть на нее с любопытством. Она чувствовала, что нравится ему, и пустила в ход все свои женские чары, чтобы на всякий случай закрепить эту первую призрачную победу.

«Вот еще разревелась, дура, некстати», - подумала она и, вынув из сумки зеркальце, стала усиленно оттирать черную краску со щей.

А капитан, лениво протянув руку, достал со стола протокол.

- Нехорошо! - укоризненно сказал он и даже покачал головой.- Такая красивая девушка, вдруг... - Но в голосе его не чувствовалось никакой строгости. Скорее, он говорил это так, по обязанности.

- Я же в первый раз!.. Никогда еще такого не случалось! - Глаза ее смотрели умоляюще.

- А может быть, действительно в первый раз, а ты сразу же протокол. Бездушный ты человек, Адоскин.

Она не верила своим ушам: неужели он говорит серьезно? А может, это только тонкая издевка? Нет. Капитан подошел к столу и сел на место лейтенанта.

- А ну, товарищ лейтенант, давай-ка я сам поговорю с гражданкой...- он заглянул в протокол, - гражданкой Гонтарь.

- Слушаюсь, товарищ начальник! - козырнул лейтенант и вышел.

«Начальник, - с уважением подумала Мария.- Наверное, новенький. Ни разу не встречала его здесь».

- Как же это вы? - Капитан не спеша достал из кармана кителя коробку «Казбека», деловито постучал по крышке и сунул папиросу в рот.

«А он ничего, даже симпатичный,- отметила Мария.- Эх, была ни была!» - И она улыбнулась ему самой очаровательной из своих улыбок.

- Ну так что же, а? Не годится спекулировать чеками. Это не кончится добром.

- В первый раз я, - повторила Мария, - ребенок у меня в больнице, а денег нет ни гроша. - Вдруг ей показалось, что сказанное недостаточно убедительно, и она поспешно добавила:-Можете сами проверить, позвоните туда хоть сейчас.

- Я верю, - очень серьезно сказал капитан, - но это, конечно, не может служить оправданием.

И вдруг он перевел разговор:

- Расскажите, пожалуйста, о себе.

- А что рассказывать-то? - искренне удивилась она, и в самом деле не представляя, как отвечать на этот вопрос.

- Ну, как вы живете? С кем встречаетесь? Где проводите свободное время?

Вопросы застали ее врасплох. Она не ожидала такого оборота. И чтобы не запутаться и не испортить дела, Мария решила говорить правду. Лишь об одном она предпочла умолчать - о занятиях своих знакомых. Но капитан и не настаивал на этом пункте. Она рассказала, что изредка ходит в кино и даже в театр, когда случаются деньги. А в последнее время у нее новый знакомый, - нет, пускай товарищ капитан ничего такого не думает, просто так, приятель ее брата, - он любит слушать цыганские песни, и они вместе ходят к цыганам...

Капитан был вполне удовлетворен этим ответом.

- Вот что, - сказал он, - протокол я уничтожу при вас.- И он разорвал листки на четыре части.- Вы можете идти. Но чтобы этого не повторялось! Понятно?

И, как накануне в больнице, Мария Гонтарь была удивлена. Она уже успела поверить в то, что ей не избежать ареста, а этот чудаковатый капитан даже не взял с нее штрафа.

Когда Мария Гонтарь вышла за дверь, «чудаковатый» капитан Брайцев снял телефонную трубку, набрал номер и доложил полковнику Северцеву, что операция прошла успешно.

Следующими на повестке дня были цыгане...

9

Цыганский театр «Ромэн» уже больше месяца находился в отпуске. Единственным местом в Москве, где выступали цыгане, был ресторан «Волга» в Химках. Поэтому лейтенант Федор Гринюк и капитан Людмила Араличева ежедневно, начиная со среды, стали посещать «Волгу». В паспортном столе таганского отделения милиции Брайцев получил фотографию Марии Гонтарь, которая была увеличена и размножена в нескольких экземплярах.

Гринюк и Араличева приходили к девяти, занимали столик возле эстрады, откуда отлично просматривался зал, заказывали ужин и дежурили до закрытия. Они производили впечатление милой, влюбленной пары.

Так прошла среда, четверг, пятница и суббота. И вот Мария Гонтарь появилась в ресторане, и не одна, а с молодым человеком.

Гринюк неторопливой походкой прошел в администраторскую и набрал номер дежурного по МУРу. Трубку снял Северцев.

- Как выглядит этот тип? - поинтересовался Иван Ильич.

- Среднего роста, коренастый, волосы светлые, на левой щеке шрам...

- Шрам? - переспросил Северцев. - Вы ясно видели шрам? Этого человека необходимо задержать. Любыми средствами! Вы поняли, Гринюк? Вы поняли?

Неверной, шатающейся походкой Гринюк возвратился в зал. Араличева была на том же месте, где он покинул ее, и разговаривала с администратором. Парень со шрамом встал. Гонтарь, смотрясь а зеркальце, поправляла прическу.

«Ах, расскажи, расскажи, бродяга», - пела цыганка с эстрады.

- Сейчас будет скандал,- бросил на ходу Гринюк. - Предупредите милиционера, чтобы он задержал нас.

Араличева едва заметно кивнула и вышла в вестибюль.

Зажав папиросу в зубах и натываясь на столики, Гринюк приближался к Марии Гонтарь. Вот он уже подошел вплотную и прикоснулся к ее теплой обнаженной руке.

- Что вы, гражданин? - Она отстранилась.

- Зоенька, ты не узнаешь меня? - Он придвинулся еще ближе.

- Товарищ, вы перепутали, это не та,- сказал за спиной парень со шрамом, и Гринюк почувствовал, как сильные руки, взяв его за плечи, легко отодвинули в сторону.

- А ты тут еще кто? - крикнул Гринюк нарочито громко.

За соседними столиками приподнялись, с любопытством наблюдая за происходящим.

- Послушай, мальчик, здесь не место выяснять отношения. - Парень со шрамом говорил так тихо, что Гринюк лишь по движению губ улавливал смысл его слов. - Если хочешь, выйдем на улицу, там поговорим.

Но вместо ответа, с шумом выдохнув воздух, Гринюк двинулся навстречу ему. Какая-то дама за столиком слева ахнула и уронила бокал. Певица смолкла на полуслове. Парень со шрамом оттолкнул его от себя, и, пятясь назад, Гринюк опрокинул столик.

С разных концов ресторана к ним бежали официанты. Сквозь образовавшуюся толпу с трудом протискивался милиционер.

Гринюка уже удерживали трое мужчин. Кто-то усиленно пытался вывернуть ему руку.

- Прошу следовать за мной! - предложил милиционер.

- Оставьте его. - Парень со шрамом говорил спокойно. - Все в порядке. Я к этому гражданину ничего не имею. Я готов даже извиниться перед ним, хотя и не виноват.

- Нет, - возразил милиционер, - он нанес вам оскорбление действием. Я не имею права оставить так этот случай. Прошу следовать в отделение!

Парень со шрамом пытался спорить, но за его спиной, словно из-под земли, выросли еще два сотрудника милиции. Возражать было бесполезно.

10

В отделении милиции при Химкинском речном вокзале, куда привели их, уже находился Северцев.

- Так, - сказал он, когда милиционер по всей форме доложил о случившемся.- Значит, подрались? Очень похвально. - Северцев сделал внушительную паузу.- Попрошу предъявить документы!

У парня со шрамом паспорта на оказалось.

- Как назло, оставил в старом пиджака, - аса еще спокойно объяснял он, - но вы можете узнать. Моя фамилия Багров, Николай Константинович. Я прописан на Малой Тульской, номер дома 17.

- Проверим,- согласился полковник.- Может быть, при вас есть другие документы, удостоверяющие вашу личность?

- Других документов нет,- подумав, ответил Багров.

- В таком случае я вынужден задержать вас до выяснения. Это ненадолго, каких-нибудь полчаса.

- То есть как задержать? - возмутился Багров. - Вы на имеете права!

- Весьма сожалею: порядок,- сочувственно произнес Северцев.

Марию Гонтарь смутило происходящее. Ей не раз приходилось бывать в милиции, но сейчас все выглядело как-то иначе. Почему-то не стали составлять протокол. Почему-то дежурного больше всего интересовал паспорт Багрова. Почему-то, наконец, он не задал ни одного вопроса главному зачинщику скандала, который, кстати сказать, уже не походил на пьяного...

Вошел Брайцев. За капитаном следовал еще один мужчина, в штатском.

- Простите, что потревожили вас, товарищ Шутов, - сказал Северцев.

- Ничего. Наше дело шоферское, не привыкать.

- Ну, не будем терять времени.- Полковник встал, и они втроем прошли в соседнюю комнату.

- Посмотрите внимательно, вы не узнаете никого? - включая прожектор, спросил Брайцев.

На скамье перед Шутовым сидели трое: один пожилой, с синяком под глазом, другой средних лет, в разодранной рубашке, и третий...

- Он! - воскликнул Шутов.- Он меня грабил! Шрам на щеке, я сразу узнал!

Багров побледнел.

- Здесь какое-то недоразумение, - заговорил он, заметно волнуясь.-Я впервые вижу в глаза этого человека!

- Обыскать его! - приказал Брайцев.

В карманах оказались шоферские права и просроченный пропуск шестого таксомоторного парка.

- Вы принимаете меня за кого-то другого, - задыхаясь, хрипел Багров, - вы еще ответите за свои действия!

- Дай бог! - усмехнулся Брайцев и сделал знак, чтобы Багрова вели в машину.

Этой же ночью в доме № 17 по Малой Тульской улице, где проживал Багров, произвели обыск. Северцев рассчитывал найти какой-нибудь из предметов, похищенных в квартира у Лосевых. Расчеты не оправдались.

Соседи, которых пригласили в качестве понятых, показали, что Багров имел семью, но минувшей зимой выгнал жену вместе с ребенком. Соседи боялись Багрова и старались держаться от него подальше.

Просматривая потрепанную книжку, выпущенную в 1939 году, Брайцев обнаружил между страниц фотографию Багрова в трусиках и майке. Открытка размером девять на двенадцать была разрезана пополам. Вторая половина, на которой, очевидно, был запечатлен еще кто-то, отсутствовала. На втором плане виднелись очертания какого-то сооружения, показавшегося Брайцеву знакомым. Всмотревшись внимательнее, он высказал предположение, что это, по всей вероятности, причал речного трамвая в Серебряном бору. На обороте фотографии сохранились часть надписи и половина печати. Надпись гласила:

«...ять

...чах

...ина».

Печать оказалась менее загадочной. Брайцев прочитал: «...ото-работников. Артель им. Красина».

Обрадованный этой находкой, Северцев продолжал поиски. Простукивая капитальную кирпичную стену, он вдруг ощутил пустоту. За обоями оказалась тонкая фанерная прокладка. Вскрыв тайник, Северцев увидел тщательно смазанный пистолет «Беретта» образца 1923 года и шесть запасных обойм...

11

Артель имени Красина специализировалась на групповых съемках. В летнее время, когда количество заказов на групповые портреты снижалось, артель устанавливала несколько временных точек в наиболее людных местах Москвы...

Председатель артели - деятельный молодой человек, выслушав лейтенанта Карпатова, с готовностью взялся ему помочь. Дело в артели было поставлено солидно: старые негативы и корешки квитанционных книжек сохранялись в течение нескольких лет.

Чтобы как-то сузить круг поисков, начали с выяснения, кто из фотографов за два последних года работал в Серебряном бору. Насчитали пять человек. Из архива бухгалтерии приволокли целую гору запыленных квитанционных книжек.

Около семнадцати часов подряд Карпатов вместе с двумя девушками, добровольно вызвавшимися помочь ему, перебирал корешки квитанций. Но квитанции на имя Багрова не обнаружилось. Тут Карпатова осенила мысль. «А почему непременно квитанция выписывалась на фамилию Багрова? - подумал он. - С таким же основанием расплачиваться за фотографии мог и другой человек, изображенный на обрезанной части фотоснимка. Не исключено, что этим человеком была женщина. Тем более, что на обороте фотографии сохранилась часть подписи: «...иия». Зина, Нина, Галина, Ирина... Или же окончание фамилии: Малинина, Силина, Забродина... Да мало ли имен и фамилий, оканчивающихся на два этих слога!»

Карпатов решил еще сузить круг поисков и просматривать лишь те негативы, квитанции к которым были выписаны на фамилии женщин.

Случайно зашедший в кабинет старший лаборант артели взглянул на часть открытки, изъятой при обыске у Багрова, и сказал, что отпечаток сделан на «Мимозе». Этой бумагой пользовались в конце прошлого лета. Партия была небольшой. Числа можно легко уточнить по копиям накладных.

Так еще раз сузился круг поисков, и к вечеру Ивану Ильичу принесли шесть экземпляров фотографий Николая Багрова и его знакомой. Квитанция была выписана 28 августа прошлого года на имя Корнеевой Н. И.

Это пришлось как нельзя кстати, потому что на первом допросе Багров категорически отверг предъявленные обвинения. Он отрицал все. Когда Северцев спросил его, чем же, наконец, он объяснит незаконное хранение оружия, и положил на стол пистолет «Беретта», Багров удивленно пожал плечами.

- В глаза этого не видел.

- Бросьте валять дурака! - сказал Северцев. - Пистолет найден в вашей комнате. Вот акт, подписанный понятыми. Тут уж куда не погрешь.

Но Багров ухитрился вывернуться:

- Позвольте, но пистолет обнаружен а стене, а тайнике, за обоями...

- А вы откуда знаете, где он обнаружен, ведь вы же не видели его в глаза?

- Я же грамотный, об этом сказано в акте.

Он был прав, и Северцев разозлился на себя за этот промах.

- Я получил комнату в позапрошлом году по ордеру райжил-отдела, - объяснял Багров. - До меня в ней находился другой жилец. Я же не обязан был заниматься простукиванием стен и поисками тайников.

- Вы случайно не в курсе, куда переехал прежний жилец? - спросил Северцев.

- На Ваганьковское кладбище! - с издевкой ответил Багров.

Крыть было нечем. Северцев взвесил на ладони густо смазанный пистолет, достал из кармана платок и вытер руки. По видимому, оружие давно уже лежало без употребления. Калибр гильзы, найденной на Каширском шоссе, был 7,62 миллиметра. Пистолет «Беретта» имел укороченные патроны 9-миллиметрового калибра. И здесь концы не сходились с концами.

И хотя первый допрос окончился ничем, хотя Багров никогда еще не состоял под следствием, Северцев своим профессиональным чутьем угадывал, что перед ним матерый бандит, ловкий и умный противник. Северцев отлично знал: рано или поздно будет сбит этот нагло-снисходительный тон и разговор пойдет по-иному. Однако этому должна предшествовать долгая, тяжелая и кропотливая работа, которая называется следствием.

...Спустя сутки после ареста Багрова Мария Гонтарь была приглашена в уголовный розыск. Ее принял все тот же «чудаковатый» капитан, с которым она познакомилась в ГУМе.

- А, старая знакомая! - улыбнулся он.

Увы, ее уже не могли обмануть ни эта деланная мягкость, ни кажущееся простодушие.

Но Сергей Васильевич на этот раз и не собирался играть в «кошки-мышки». Ему необходимы были конкретные сведения, и он не сомневался, что получит их.

- Что вы можете рассказать о человеке, с которым вас видели в ресторане? - прямо спросил он.

- Ничего! - зло отрезала Гонтарь. - Я не знаю его!

- Неправда! - насмешливо сказал Брайцев. - Вы же сами рассказывали мне в ГУМе, что он ухаживает за вами, водит в кино и даже слушать цыганские романсы.

- А с вашей стороны это было подло! Подло! - закричала она.

- Ну, я думаю, мы не станем сейчас обсуждать вопросы морали. Так как же, будете рассказывать?

- Не буду! - И она отвернулась.

- Послушайте, Мария Гонтарь, у меня нет времени взывать к вашему сознанию! - Он решил не церемониться с ней. - Ваш приятель - бандит, занимающийся открытым грабежом. На его руках кровь человека. - Брайцев остановился, чтобы убедиться в произведенном впечатлении. - Вы его подруга и соучастница. Вы помогали ему, и я мог бы просто посадить вас, но я думал...

- Не докажете! - Это был не крик, а скорее стон. - Не докажете! - повторила она и вдруг, побледнев, покачнувшись на стуле.

Брайцев налил воды и протянул ей, но она отказалась.

- Докажем, - сказал он таким миролюбивым тоном, как будто речь шла о стакане воды. - Если забыли, я напому вам одну фразу из известной вам записки: «Мальчик расшибся...» Ясно? - Он еще раз сделал паузу. - Может, вы вспомните, что говорилось в записке, переданной из тюрьмы для вашего Николая?

Разумеется, Брайцев не имел ни малейшего понятия ни о какой другой записке, кроме той, которую только что процитировал. Но сейчас он бил наугад...

- Вспомню, - вдруг тихо сказала Гонтарь, - сейчас... - Она действительно напрягла память, что-то вспоминая. - Вот... кажется, так: «Горшок раскололся, и его выбросят...»

Брайцев не ожидал такой удачи.

- А знаете ли вы, что в результате одной этой фразы был убит человек? Вот он, полюбуйте! - И Брайцев положил перед ней фотографию трупа, сделанную в мытищинском морге. Это, как и ожидал он, произвело на нее ошеломляющее впечатление.

- Ну, в последний раз, будете говорить или нет?

- Буду, - прошептала Гонтарь. Теперь она сама потянулась за стаканом, но руки ее дрожали, и стекло стучало о зубы.

- Я слушаю вас! - сказал Брайцев, усаживаясь в кресло.

- Что я наделала! Что я наделала!- шептала она, вздрагивая.- Они же играли мною, как последней душой!

- Вот именно, - согласился Брайцев.

Он извлек из стола еще одну фотографию.

- Опять про убийство? Не нужно! Не хочу смотреть! - запротестовала она.

- Нет, нет, не пугайтесь, - успокоил Брайцев.- На этот раз более мирный сюжет. Вы знаете эту девушку?

Он показал ей одну из открыток.

- Нинка Корнеева, знаю, а этот, в трусиках, он.

- Догадываюсь, - улыбнулся Брайцев.

- У нее дочь от него. Только вы не трогайте Нину. Она и без того несчастная. А то узнают они, плохо ей будет. Они шутить не любят.

Брайцев уже имел случай убедиться, что это не пустые слова.

- Пожалуй, на сегодня достаточно, - сказал он.

Она посмотрела на него долгим, вопросительным взглядом. Он понял смысл этого взгляда.

- Дайте-ка сюда ваш пропуск. - Брайцев размашисто расписался и поставил печать. - Впредь будьте разборчивее в своих привязанностях!

Она аккуратно сложила пропуск и встала.

- У меня к вам просьба,- сказал Брайцев.

- Какая?

- Познакомьте меня с Корнеевой.

- Нельзя!

- Даю вам слово, они не тронут ее.

- Когда знакомить? - спросила Гонтарь.

- Чем скорее, тем лучше. Хотя бы даже сегодня вечером.

Она подошла к двери, потом вновь возвратилась и, расстегнув кофточку, положила что-то на стол.

- Отдайте ему. И скажите, что мне от него ничего не нужно.

Это был медальон, похищенный на квартире у Лосевых.

Вечером на площади Свердлова, возле Большого театра, Брайцев снова встретился с Марией Гонтарь. Гонтарь пришла не одна. Она познакомила Брайцева с Ниной Корнеевой.

Гонтарь оказалась права: Нина действительно ненавидела Николая Багрова, который испортил ей жизнь.

Багров, по профессии шофер, недолго задерживался на работах. Она служила подавальщицей в кафе, и в основном они существовали только на ее зарплату. А когда у них родился ребенок и она вынуждена была уйти с работы, он стал уносить из дому вещи. Он буквально раздел ее, не останавливаясь даже перед тем, чтобы продать распашонки ребенка. А потом, когда в доме уже не осталось ничего, он выгнал ее среди зимы вместе с шестимесячной дочкой. Однако по существу дела Брайцев узнал немного.

Однажды - это было несколько месяцев назад - у Белорусского вокзала ее нагнало такси. В машине находились Багров и еще один молоденький парнишка, который назвал себя Федей. За рулем сидел Митька Басов. Тогда еще она не знала его, но как-то во время болезни Багрова тот посылал ее на Вятскую улицу отнести Басову какую-то записку. Вятская - это она точно помнит, только вот номер дома забыла, но его не трудно найти: как раз напротив клуба.

Федю она потом не раз встречала на улице Горького и в кафе «Националь». Фамилии его и места жительства Корнеева не знала. Также ей ни разу не приходилось слышать фамилии Урганова или каких-либо других фамилий, кличек и имен.

...В эту ночь произошло еще одно нападение на такси.

В первом часу ночи шофер Валежин привез пассажира на сорок третий километр Дмитровского шоссе. Когда стали рассчитываться, Валежин не сумел дать сдачи со ста рублей. Поставив машину на обочине шоссе, он вместе с пассажиром прошел к даче.

Возвращаясь обратно, Валежин увидел у машины двоих: худощавого с длинными руками и второго, поплотней. «Повезло, - подумал Валежин, - а я еще беспокоился, что придется гнать вхолостую такой конец!» Но ожидавшие не собирались ехать.

- Закурить не найдется?- спросил один из них и придвинулся вплотную. Второй зашел сзади. Валежин почувствовал, что начало не предвещает хорошего.

- Не курю, - коротко ответил он и сделал шаг в сторону.

В этот момент в бок ему уперлось что-то твердое. «Пистолет!»- мелькнуло у Валежина. Да, это был пистолет.

- Ключи от машины! - сказал коренастый. - И можешь катиться к чертовой матери!

Валежин порылся в кармане и протянул ключ от французского замка. Переложив пистолет в левую руку, коренастый направился к машине. Худощавый, не упуская из виду Валежина, торопливо зашагал за ним.

- Это не тот ключ! - послышался из машины голос коренастого. - Ты что, с нами шутки вздумал шутить?
- Последовало грязное ругательство.

- Да что вы, ребята, - примирительно сказал Валежин, - машина с характером, сам с ней всегда волюнюсь! А ну-ка, пусти!

Он зашел с другой стороны кабины и рванул на себя дверцу. Вторая дверца тоже оставалась открытой.

Присев рядом с коренастым. Валежин тщетно пытался втиснуть ключ в замочную скважину. Коренастый с подозрительностью наблюдал за ним. Худощавый продолжал стоять на шоссе шагах в трех - четырех.

- Вот дурак! - воскликнул Валежин. - А ведь действительно ключ не тот! Прости, ошибся с перепугу!

Не давая им опомниться, он вставил в замок другой ключ и, резко двинув коренастого плечом, рванул машину с места. Но коренастый каким-то образом все же успел ухватиться рукой за выступ двери и повиснуть на ходу.

Раздался выстрел, другой, третий... Лобовое стекло треснуло по всем направлениям, покрывшись тысячами косых линий. Крайне неудобное положение, в котором Продолжал висеть коренастый, мешало ему попасть в Валежина.

Между тем машина все увеличивала скорость. Сквозь мутное лобовое стекло Валежин ничего не видел перед собой. Он ни разу не обернулся. Прямо, только прямо, до боли в пальцах, впившись в руль!

Вдруг машину круто мотнуло. Очевидно, она боком задела за какой-то предмет. Скорее инстинктивно, чем сознательно, Валежин затормозил.

Коренастого уже не было. В какой момент он сорвался с машины, Валежин не заметил.

Как ни странно, но в общем машина оказалась цела, за исключением лобового стекла, помятого крыла и разбитой фары. Достав из-под сиденья гаечный ключ, Валежин выбил растрескавшиеся остатки и, свернув на окружное шоссе, поехал в город.

Первым же встречным орудовцем машина была остановлена. О случившемся немедленно сообщили в МУР, и из Москвы выехала дежурная опергруппа. Был обследован значительный участок Дмитровского шоссе, начиная с сорок третьего километра. Но, кроме осколков стекла, никаких иных следов ночного поединка не удалось обнаружить.

Северцев, которому доложили по телефону о случившемся, отнесся к этому известию спокойно. Показалось, что новый случай даже обрадовал его.

- Так и есть! - говорил он на утреннем совещании.- Я давно предполагал, что им главным образом нужна машина. И не любая «Победа», а именно такси. Я даже позволю себе сделать вывод, что грабеж, которым сопровождался первый угон, был лишь маскировкой основной цели - завладеть самой машиной. Для чего им понадобилось такси? Пока что мы с вами этого не знаем. Очевидно, за спиной этой группы стоит какой-то опытный бандит с далеко идущими планами. Но в конце концов нам сейчас и не обязательно знать их. Важнее другое. Когда был взят Багров, можно было предполагать, что дальнейшие события будут разворачиваться двояко: либо банда на какой-то срок притаится, пережидая опасное время, либо, напротив, перейдет к активным действиям, создавая тем самым видимость, что Багров не имеет к ней отношения. Теперь мы видим, что подтвердилось второе. Прекрасно, нам это только на руку. Следовательно, не сегодня-завтра нужно ожидать нового нападения на такси. Будем считать, что мы получили предупреждение...

Вошла секретарша и доложила о прибытии товарищей из ОРУДа. Северцев попросил тотчас же провести их в кабинет.

- Я хочу познакомить вас с планом операции,- сказал он, когда орудовцы заняли места,- которая будет проведена в общегородском масштабе. В общих чертах план заключается в следующем...

...В начале четвертого Брайцев. принес фотографию Дмитрия Басова и сообщил, что, по имеющимся сведениям, тот возвратился домой на рассвете и вновь вышел из дому в два часа дня, заметно прихрамывая на правую ногу. Но Северцев приказал пока не трогать его.

Гринюк, закончивший расследование по шестому таксомоторному парку, установил, что накануне кражи на Каширском шоссе Багров целый день провел в гараже, куда он заходил якобы за трудовой книжкой. Однако здесь же выяснилось, что трудовая книжка была получена им давно вместе с расчетом. Теперь стало ясно, откуда был добыт номерной знак для автомашины.

В помещении отдела было как-то необычно тихо. Готовилась операция. Шла охота за ургановской бандой.

И наконец мышеловка захлопнулась.

Около двух часов ночи на Можайском шоссе, не доезжая Кунцева, наряду милиции, находившемся здесь, удалось окружить троих, пытавшихся захватить машину; четвертый бежал и, отстреливаясь на ходу,

легко ранил в плечо лейтенанта Кондрашина. Но, по видимому, и сам был ранен. Быть может, легко, но ранен.

Утром на допросе арестованные отказались назвать свои имена. Для опознания задержанных в угрозыск были приглашены Валежин и Корнеева.

Как показал Валежин, бандитов, которые напали на него на Дмитровском шоссе, среди арестованных не было. Корнеева тоже не узнала никого.

Значит, торжествовать еще было преждевременно: часть банды продолжала разгуливать по Москве.

Водитель такси Вартанов, которому среди других фотографий показали портрет Басова, узнал в нем четвертого бандита, ранившего лейтенанта Кондрашина. Однако Северцев вновь не разрешил трогать Басова, рассчитывая, что, находясь на свободе, он рано или поздно выведет на след последних остатков бандитской группы.

12

Ночью по телефону была вызвана «Скорая помощь». Машина прибыла к дому на Вятской улице и, взяв больного, доставила его в ближайшую больницу. Ближайшей больницей оказалась Боткинская.

В регистратуре старик-отец, приехавший вместе с больным, объяснил, что его сын Дмитрий Басов был ранен ночью неизвестным гражданином, неожиданно напавшим на него, а затем исчезнувшим.

Пострадавшего подняли в операционную. Ранение не представляло угрозы для жизни: пройдя касательно, пуля слегка поцарапала берцовую кость и застряла в мякоти. Дежурный хирург без труда извлек пулю, наложил несколько швов и хотел было отправить больного в палату, но вдруг заметил, что у него сильно ободрана и правая нога. Кожа успела покрыться коркой и начинала гноиться.

- Где это вас так? - спросил врач.

- Позавчера. Катался на велосипеде,- неохотно ответил больной.

Его поместили в большой палате, где лежали уже выздоравливающие.

Одновременно с ним в больнице появилась новая сестра. Этому никто не придал значения: сестры в отделении менялись часто. Новенькая всем понравилась. Она оказалась заботливой и внимательной. Но особым ее расположением пользовался Басов - необщительный, молчаливый больной, лежащий у стены. Звали сестру Людой, фамилия ее была Араличева.

Сотрудник научно-технического отдела майор Игнатьев неторопливо изучал предметы, которые в качестве вещественных доказательств переслали из Боткинской больницы. Предметов было немного: брюки и трусы Басова, пробитые пулей, сама пуля и медицинское заключение о характере и обстоятельствах ранения.

Эти обстоятельства вызвали серьезные сомнения у Игнатьева и вступали в вопиющие противоречия с вещественными доказательствами. Как объяснил сам пострадавший, он был ранен неизвестным, стрелявшим в него в упор. Однако характер разрывов на одежде Басова и поверхность брюк, где не было никаких признаков копоти или частиц пороха, неизбежно остающихся на одежде, если выстрел сделан в упор, убеждали, что стрелявший в Басова находился от него на значительном расстоянии. Более того, пуля, попавшая в Басова, почти совсем утратила свою первоначальную скорость, иначе ранение было бы сквозным.

Через несколько часов после того, как Игнатьев поделился своими соображениями с Северцевым, в научно-технический отдел принесли пистолет милиционера, из которого тот ранил преступника, скрывшегося во время операции на Можайском шоссе. Контрольные стрельбы в тире с пластилиновым пулеуловителем показали, что пуля, извлеченная из тела Басова, была выпущена именно из этого милицейского пистолета. Таким образом, стало ясно: Басов является тем самым четвертым преступником, которого не удалось задержать на Можайском шоссе.

В биологическом секторе исследовали состав крови, которой была обильно пропитана одежда Басова. Кровь относилась ко второй группе. Но Северцев просил, чтобы на этот раз были произведены и дополнительные, новейшие исследования. С помощью тончайших иммунологических реакций сотрудники биологического отдела установили, что кровь Басова идентична с кровью, обнаруженной на паркете в квартире Лосева.

Однако, располагая такими данными, Северцев все же решил сделать еще одно небольшое уточнение - исследовать и обувь. Как известно, кровь на паркете была растерта подошвой. Под подошвой или на нитях, скрепляющих рант, могли сохраниться следы высохшей крови. Но, несмотря на самое тщательное исследование, никаких следов, свидетельствующих о присутствии крови, на обуви не нашли. Северцев продолжил эксперимент и подверг анализу обувь всех задержанных.

Но и здесь его постигла неудача. Он не стал отчаиваться, заявив, что откладывает дальнейшее продолжение этого опыта до новых, более лучших времен.

...Ситуация в Боткинской больнице с каждым днем осложнялась.

Басов начал заметно нервничать. Рана на ноге стала заживать, и теперь он не упускал случая, чтобы не обратиться с просьбой выписать его из больницы и перевести на амбулаторное лечение. Басова, очевидно, немало тревожило то состояние полной неизвестности, в котором все это время он пребывал.

Передачи приносила мать, и, судя по их переписке, полностью контролируемой Араличевой, мать и не подозревала о том образе жизни, который вел ее сын.

Он упрямо искал способов установить связь с внешним миром, и эта лихорадочная поспешность, граничащая уже с полным отчаянием, передала в руки следствия недостающие нити и привела за решетку еще одного из участников банды.

Узнав о том, что сосед по палате, некий Осетров, выписывается домой, Басов начертил на клочке бумаги план, по которому просил его разыскать дом и передать на словах девушке по имени Соня, чтобы она пришла навестить его. Осетров, не подозревавший ничего худого, охотно согласился исполнить эту просьбу. Но в регистратуре к Осетрову подошел Северцев и предложил отдать ему начерченный Басовым план. Миссию порученца Басова взял на себя Сергей Васильевич Брайцев.

13

На окраине в одном из тихих переулков Брайцев нашел старый каменный дом. О возрасте его убедительно свидетельствовала сохранившаяся каким-то чудом табличка Российского общества страхования от огня. Эта табличка и была главным ориентиром плана, по которому шел Брайцев.

Он миновал арку-тоннель и, свернув налево, постучался в крайнее окно. Гринюк и Карпатов, сопровождавшие Брайцева, остались ожидать в воротах.

Занавеска дрогнула, и чьи-то загорелые руки приоткрыли окно.

- Вам кого? - спросил женский голос.

- Соню,- ответил Брайцев.- Я с Митей в больнице лежал. Он просил, чтобы я разыскал ее.

- С каким Митей? - переспросил тот же голос. В нем чувствовалась настороженность.

- С Басовым,- сказал Брайцев.- Если здесь не живет Соня,- значит, я ошибся. Виноват.- Он сделал шаг в сторону.

- Пойдите. Это Басов вам дал адрес? - спросил тот же голос.

- Нет, Басов начертил мне план.

- Он находится при вас?

- Разумеется.

- Покажите.

Брайцев протянул в щель басовский клочок бумаги. Последовала длительная пауза. Эта осторожность даже обрадовала Брайцева.

«Неужели набрали на ту самую «малину»?» - с волнением подумал он.

Заскрипела тяжелая задвижка, и низкая деревянная, уже потрескавшаяся дверь отворилась. На пороге стояла девушка лет девятнадцати. Она была в коротком халатике, перевязанном пестрым шнурком, и в тапочках на босу ногу.

- Соня,- представилась она, протягивая Брайцеву руку.

Они миновали кухню, затем прихожую и наконец очутились в комнате с окном, куда только что стучался Брайцев.

На диване развалился в небрежной позе худощавый юноша и, как показалось Брайцеву, с бесцеремонной наглостью разглядывал его.

- Митя просил передать, что очень скучает и было бы хорошо, если бы вы нашли время навестить его. Вот, собственно, и все,- сказал Брайцев.

- А вы откуда знаете Басова? - спросил худощавый юноша.

- Моя фамилия - Осетров, Николай Васильевич, мы рядом в палате лежали, я уже говорил об этом.- Брайцев обернулся, ища глазами поддержку у девушки.

- Ну, как он?..- начала было девушка, но юноша перебил ее.

- А вы что, тоже болели? - спросил он.

- Да, аппендицит. Так, значит, вы придете? - обратился он опять к девушке.

- Возможно,- ответил за нее худощавый юноша и добавил: - Если, конечно, время позволит...

На этом Брайцев счел свою миссию оконченной и, попрощавшись, тем же путем, через темную кухню, вышел наружу.

В воротах, не замедляя шага, он прошел мимо Гринюка и Карпатова, и те только в конце переуллка нагнали его.

- Кажется, тут «малина», - сказал Брайцев, когда они завернули за угол.

Пройдя еще два квартала, они сели в машину, которая ожидала их.

- Может быть, возвратиться и взять их? - неуверенным тоном предложил Гринюк, выслушав отчет Брайцева о встрече с Соней и разговоре с худощавым парнем, который сильно смахивал на Федю, известного по описаниям Корнеевой.

- Не болтай чепухи,- возразил Брайцев.- Полковник не разрешил предпринимать ни единого шага без согласования с ним, а кроме того, какие у тебя основания для ареста? Придет она завтра или не придет, вот о чем следует беспокоиться.

...Она пришла. Но, несмотря на горячие уговоры, главврач не разрешил свидания с Басовым. Гардеробщица, ведающая халатами, и нянечка у входа в лечебный корпус оказались неподкупными. Делать было нечего: Басову передали килограмм яблок и коротенькую записку, в которой Соня сообщала о своем приходе и осведомлялась о его самочувствии.

Араличева вручила сверток Басову, постояла, ожидая, пока он напишет ответ. Басов набросал карандашом несколько фраз на почтовой открытке, вложил ее в конверт и запечатал.

- И скажи ей,- сказал он, передавая Араличевой письмо,- чтобы обязательно. Сегодня или завтра обязательно.

- А чего обязательно-то? - невинным тоном спросила Араличева.

- Она знает чего. Там в письме все написано. Ну, ступай, а то ждет же внизу человек.

Но Араличева не торопилась спускаться вниз. Конверт распечатал Северцев. «Соня! Сегодня или завтра вечером подходи к стадиону «Динамо», - говорилось в письме. - Около кассы в кино спросишь у пацанов «Рыбака», они покажут. Скажешь, что от меня. Возьми у него керогаз и отнеси домой. За ним придут. Я очень беспокоюсь: 15-го дядя собирался на дачу, керогаз будет нужен ему. Я скоро выйду. С.»

- А почему «С»? - задумался Брайцев.

- «Скокарь», - сказал полковник. - Помните показания Коваленко? Так вот, значит, кто этот «Скокарь»!

Араличева вышла в вестибюль и объяснила ожидавшей ответа девушке, что Басов благодарит за яблоки и записку, но написать ответа не может, так как очень слаб. Он просит завтра придти.

Северцев знал, что на воровском жаргоне словом «керогаз» обычно называют пистолет, револьвер.

...Ровно в восемь часов вечера к кассе кинотеатра «Динамо» подошла Люда Араличева.

- Не видел тут «Рыбака»? - спросила она у вертящегося возле кассы мальчишки.

- «Рыбак»? Да он только что был здесь. А вам чего, билетик?

- Давай-ка отыщи, дело есть. Быстро!

- Ну, я «Рыбак».- К Араличевой подошел подросток лет семнадцати. Он был в полотняных брюках и вылинявшей майке.

- «Скокарь» прислал,- сказала Араличева.

- А дальше?

- Керогаз верни.

- Кому?

- Мне.

- А примуса тебе, случайно, не треба?

Араличева протянула письмо. Он подошел к фонарю, извлек из конверта открытку и несколько раз по складам прочитал ее: «Рыбак» был малограмотным.

- Понятно,- как-то неопределенно промычал он и сунул открытку в карман.

- Э, э! - запротестовала Араличева.- Давай сюда.- И задержала его руку.

- Смотри, какая! - одобрил он.- Давно с ним ходишь?

- Ладно. Гони керогаз,- строго сказала она.

- Пошли.- Он сделал несколько шагов и остановился.- Стой. Лучше я сюда принесу.

Он возвратился через десять минут.

- На, держи. И Митьке там кланяйся.- Он сунул руку в карман.- Глянь, сзади меня никого нет?

- Все тихо. Давай.

- Осторожно: заряжен.

- Знаю,- сказала она, и в то мгновение, когда «Рыбак» протягивал ей пистолет, чьи-то руки железными объятиями стиснули его сзади и какой-то голос в самое ухо умиротворяюще зашептал:

- Спокойно, спокойно, все в порядке.

Мягко подошла машина и так же неслышно ушла. Араличева осталась одна стоять на тротуаре. У касс кинотеатра по прежнему толпился народ. Даже вездесущие мальчишки, и те не заметили ничего.

14

В научно-техническом отделе пистолет пробыл около суток. За эти сутки удалось уточнить многое. Было установлено, что вся коллекция гильз, хранящаяся в сейфе у Северцева, стреляна именно из этого пистолета «ТТ» образца 1933 года за номером... С номером произошло затруднение. Номер оказался уничтоженным. А узнать его было абсолютно необходимо, потому что только номер мог рассказать биографию пистолета, поведать историю о том, какими путями он попал в преступные руки. К сожалению, этого не удалось узнать о пистолете «Беретта», изъятом на квартире у Багрова. «Беретта» имела иностранное происхождение, возможно, пистолет был получен первым владельцем прямо из-за рубежа, поэтому номер его 001123 в общесоюзной описи огнестрельного оружия не числился. Другое дело «Тульский Токаревский». Итак, нужно было узнать номер.

Номера на пистолетах выбиваются чеканкой, и цифры получаются как бы вдавленными в корпус пистолета. Поэтому, естественно, если уничтожить слой металла и превратить место, где были отчеканены цифры, в гладкую поверхность, то кажется, что прочитывать уже несуществующий номер невозможно. Но это только кажется. Металл, в частности, сталь, из которой изготовлен корпус пистолета, как и всякое неорганическое вещество, состоит из молекул. В том месте, где металл подвергался воздействию пресса при чеканке номера, молекулы неизбежно должны были уплотниться по сравнению со всей остальной массой молекул, составляющих корпус пистолета. Причем это уплотнение проходит по вертикали не только в тонком поверхностном слое, непосредственно соприкасавшемся с прессом, но распространяется и глубоко вовнутрь. Следовательно, как ни старайся уничтожить номер, в случае необходимости его всегда возможно восстановить.

После специальной обработки пистолета восстановили уничтоженный номер 0802 и передали его в соответствующие органы, чтобы установить, кому он прежде принадлежал.

...Соня сдержала обещание, данное Басову. Назавтра она снова пришла в больницу. И вновь врач не разрешил свидания. И вновь гардеробщица и нянечка у дверей были неумолимы. На этот раз Араличева не могла передать Басову ни яблочко, ни записки. Однако девушка получила ответ - вчерашнее письмо Басова. Она пробежала его здесь же, отвернувшись к окну.

- Обязательно, он просил передать на словах, чтобы сегодня или завтра обязательно.- Араличева повторила фразу, сказанную накануне Басовым.

Девушка поблагодарила и сунула ей десять рублей. Араличева спрятала деньги в карман халата.

...Вечерняя операция была несколько сложнее вчерашней. Еще днем Брайцев два битых часа тренировал специально подобранных для этой цели мальчишек. Один из них, племянник Араличевой, должен был играть главную роль.

Гринюк, одетый в полосатую тельняшку, коротенький пиджак и «бабочку», лихо сдвинутую набекрень, с независимым видом прогуливался у касс кинотеатра.

В половине девятого Брайцев издал указав мальчику на Соню, выходящую из метро. Мальчишка нагнал ее и, забежав вперед, спросил, не нужен ли лишний билетик.

- А ты кто такой? - спросила девушка.

- А вам-то что?

- «Рыбака» знаешь?

- А вон он, в тельняшке такой. А вам зачем? - с нескрываемым любопытством спросил малец и закинул рыжую голову.

- Много будешь знать, скоро состаришься,- улыбнулась девушка и, убыстрив шаг, направилась к кассам.

Мальчишка проводил ее одобрительным взглядом. Видимо, она произвела на него приятное впечатление. Но больше всего он был доволен собой, и непостижимый доселе Шерлок Холмс казался ему в этот момент примитивным дилетантом.

- «Рыбак»? - спросила она, подойдя к Гринюку.

- Допустим, - ухмыльнулся он.- А вы, как я догадываюсь, Сонечка.- И Гринюк подмигнул ей по-свойски.- Ну, как там «Скокарь», не отдышался еще?

- Пытается,- ответила девушка и тихо прибавила: - Я за керогазом пришла.

- Керогаз при нас,- процедил Гринюк,- а какая гарантия имеется?

- Какая еще гарантия? - забеспокоилась девушка.- Вот у меня его письмо.

Гринюк прочитал записку Басова и спрятал ее в карман. Соня не возражала. Потом он бесцеремонно взял ее под руку, и они, не торопясь, пошли к остановке троллейбуса. По пути Гринюк незаметно передал ей уже ставший безвредным пистолет.

...Было одиннадцатое число. Согласно записке Басова, за пистолетом должны были придти в течение четырех последующих дней, включая утро пятнадцатого. На пятнадцатое, вероятнее всего, было назначено какое-то новое дело, договоренность о котором существовала заранее. Северцев во что бы то ни стало решил поломать этот план.

На окраине Москвы, в одном из тихих переулков, где находился дом, застрахованный от огня, устроили засаду. Под наблюдение была взята квартира Сони, а также все входящие и выходящие из нее.

Между тем по мере приближения пятнадцатого Басов стал проявлять все более заметную нервозность. Тринадцатого Араличева и Карпатов, который дежурил вместе с ней, задержали Басова, когда он пытался бежать в одном белье через окно уборной. Северцев решил, что этот поступок более чем что-либо свидетельствует о полном выздоровлении и, к превеликой радости врачей, почувствовавших наконец долгожданное облегчение, приказал перевести Басова из больницы в тюрьму.

Все это время, пока проводились последние операции, связанные с ранением Басова, на Петровке, 38, не прекращались допросы.

Было бы слишком утомительно досконально описывать их, тем более, что в основном результаты допросов мало в чем влияли на ход дальнейшего следствия. Поэтому остановимся лишь на тех деталях, которые имели непосредственное отношение к делу.

Михаил Косов - «Рыбак» - оказался человеком, сделавшим в своей жизни лишь первый шаг по преступной дорожке. Еще не обладая достаточным опытом встреч со следователем, он на первом же допросе полностью капитулировал перед бесспорными фактами.

Дело в том, что сразу же после ареста Косова Северцев отобрал у него башмаки и направил их для биологического исследования. На этот раз исследование дало блестящие результаты. На нитях, скрепляющих рант с подошвой давно не чищенного башмака Косова, эксперт обнаружил мельчайшие частицы высохшей крови, которую он классифицировал по второй группе. В то же время кровь самого

Косова относилась к первой группе.

Сама кличка «Рыбак» навела Брайцева на мысль возвратиться к старой, давно отброшенной версии относительно московского общества «Рыболов-спортсмен». Затребовав списки общества, он нашел в них фамилию активного члена и аккуратного плательщика взносов Михаила Косова.

Инженер Лосев, к которому съездил Брайцев, наконец вспомнил, что по его заказу Косов изготовил два десятка тяжелых блесен «шторлинг», на которые в подмосковных водоемах особенно успешно ловятся окунь и щука. Эти блесны Косов приносил ему домой, и он, Лосев, даже угощал его чаем. Далее был восстановлен в памяти тот самый вечер, когда заседала секция спиннингистов общества «Рыболов-спортсмен» и именно Косов уговаривал Лосева принять участие в массовом выезде, а сам так и не приехал.

- И кто мог подумать! - сокрушался Лосев.- Такой умелый рыболов - и такой мерзавец!

...- А вы, я смотрю, ловкач: здорово это у вас получилось с блеснами! - сказал, начиная допрос, Северцев.- Одних вещей на восемнадцать тысяч унесли. Только вот кровь на паркете не следует растирать ботинком: некультурно получается, и потом на подошве остаются следы.

- На пушку берешь, начальник? - неуверенно произнес Косов.

- Охота была брать вас на пушку! - откровенно признался Северцев.- Хотите, я вам расскажу, как было дело в квартире Лосева? Машину вы оставили во дворе, потом прошли через тот подъезд, где помещалась аптека: здесь подъезд не запирался на ночь. Поднялись на чердак, отжали замок и спустились на площадку восьмого этажа. Вы остались у двери, чтобы отвлечь внимание овчарки от окна столовой, куда, пройдя по карнизу и выставив стекло, проник Басов. Когда он уже находился в комнате, овчарка бросилась на него. Басов убил ее ножом, но она успела прокусить ему руку. Он открыл изнутри английский замок и впустил вас. Рука его была в крови, и кровь капала на паркет. Чтобы не оставлять следов, вы растерли пятно на паркете ногой. Я даже могу назвать вам точное время, когда все это происходило: в два часа сорок минут ночи.

Косов был ошеломлен осведомленностью Северцева. Он рассказал все. К сожалению, он пребывал в полном неведении относительно существования банды и был связан лишь с Дмитрием Басовым. Этой кражей в основном ограничивалось участие Косова в делах банды.

- Вы не сказали мне, каким образом к вам попал пистолет,- напомнил Северцев.

- Ночью как-то я возвращался домой... - стал рассказывать Косов.

- Где вы провели ночь?

- Да так, с одной знакомой.

- Продолжайте,- сказал Северцев.

- Значит, иду я домой, а мы с Басовым рядом живем. Он на Вятской, а я около «Динамо». Так вот, на Новослободской вдруг вижу - навстречу мне Митька. Хромает. За стену держится. Я ему помог, до дому довел. «Скорую помощь» это я по телефону вызвал. По дороге Митька рассказал мне, что его поцарапали, и отдал на сохранение свой пистолет. Митька боялся, что, если попадет в больницу, дома могут устроить обыск. Он сказал, что за пистолетом придут его кореша, которые будут предупреждены.

Басов был посложней Косова. Но Северцев располагал уже всем необходимым, чтобы в ходе допроса рассчитывать на успех.

Легенда о загадочном покушении на жизнь Басова была быстро развеяна в прах.

- Послушайте,- сказал Северцев,- мы только зря теряем время. Попробуйте посмотреть на себя со

стороны: ведь уже сами по себе вы являетесь сплошным вещественным доказательством. Начнем с левой руки - отлично сохранившиеся следы собачьих клыков. Между прочим, вы счастливо отделались: еще немного, и лосевская овчарка порвала бы вам вену. Я уже не говорю о том, что на паркете у Лосевых вы расписались своей кровью. Не будем мелочны. Следующими по счету идут правое плечо, локоть и колено,- крути не крути, они ободраны, и даже сильно. Это память о сорок третьем километре Дмитровского шоссе, Басов. Далее - ваша левая нога - след милицейской пули. Мы уже не станем касаться таких пустяков, как гильза, найденная на Каширском шоссе. Попробуем подвести итог. Ко всему вышеперечисленному следует присовокупить, что шофер Валежин опознал вас. А косовские показания? Совсем упустил из виду косовские показания! Честное слово, не волнуйте, Скокарь. Вам же все равно уже не выпутаться. Это конец.

И вдруг неожиданно для Северцева Басов закатил глаза к потолку и, сделав идиотское выражение лица, слезливо замямлил:

- Поеду... сейчас... в Сухум... купаться...

- Что? Что? - опешил Северцев.

- Купаться... в Сухум...- неуверенно повторил Басов и на всякий случай пустил слюни.

- Э, вот это уже зря,- критически заметил Северцев.- Неубедительно получается. Психа надо делать не так.

Но Басов продолжал сверкать белками и уверять, что поедет в Сухум.

И хотя Северцев ни на минуту не сомневался в его психической полноценности, все же, согласно существующим правилам. Басов был направлен на заключение врачебной комиссии, где его попросту подняли на смех.

Трудно было поверить, что неглупый и опытный Басов мог рассчитывать всерьез на возможность длительной симуляции психического расстройства. Скорее всего этот неловкий трюк понадобился ему, чтобы хоть как-нибудь оттянуть время. Аналогичное стремление наблюдалось и на допросах остальных подследственных. Северцев чувствовал, что в его руках отнюдь не главные заводы банды. Кто-то более сильный, чем они, главарь, пользующийся у них непререкаемым авторитетом, находился на воле. И этот факт сам по себе связывал им языки и определял их поведение.

Профессиональное чутье не обмануло Северцева. Его подозрение подтвердилось новым фактом. Прибирая после утреннего туалета в умывальной внутренней тюрьмы угрозыска, надзиратель обнаружил записку. Написанная бисерным почерком на обороте трамвайного билета, она была скатана в тугую трубочку и вставлена в носик водопроводного крана. Очевидно, автор рассчитывал, что кто-то, находящийся не под столь пристальным наблюдением, как он, какими-то неведомыми для Северцева путями переправит записку на волю. Это был поистине отчаянный призыв подать о себе голос, хотя бы условный знак, потому что держаться далее не оставалось силы.

Записка была без адреса, обращения и подписи, но Северцев узнал почерк Багрова. Он хорошо понимал его состояние. Прижатый к стене неопровержимыми уликами, Багров не мог уже придумать ничего лучшего, как молчать, не произнося на допросах ни слова. Остальные трое, арестованные во время операции на Можайском шоссе, следовали в своем поведении примеру Багрова и напоминали в этом смысле его бледную тень: они были рядовыми в банде.

...Наступило пятнадцатое число. Сведения из дома Софьи Хмелько (такую фамилию носила знакомая Басова) были малоутешительными. В течение четырех дней за пистолетом никто не приходил.

Пятнадцатого, в девять утра, Северцев устроил очную ставку между Басовым и Багровым. Они сидели перед ним и молчали. Ни на один вопрос не последовало ответа. Можно было подумать, что Северцев встретился с глухонемыми.

- Отлично,- сказал он, когда были исчерпаны все средства.- Я никуда не спешу. Будем молчать вместе.

Иван Ильич достал из футляра очки, тщательно протер носовым платком стекла, предварительно подышав на них, и, раскрыв книгу, углубился в чтение.

Вдруг Северцеву послышалось деликатное постукивание. Как бы от скуки, опустив руки. Багров барабанил пальцами по ножке стула. Он делал это с безразличным, отсутствующим выражением лица и столь тихо, словно стеснялся отвлечь Северцева от чтения.

Иван Ильич собрался было пресечь эту фривольность. Но, вовремя передумав, сделал вид, что увлечен книгой, и стал прислушиваться.

В приемной стучала машинка, это мешало сосредоточиться, и все же... Точка-тире-точка... «Ес-ли про-дать Вол-ка, он убь-ет», - складывал по буквам Северцев.- «Волк убь-ет»... Одна и та же фраза повторялась несколько раз... Очевидно, Багров был на слишком высокого мнения о познаниях своего приятеля в азбуке Морзе.

Постукивания прекратились. Снова воцарилась полная тишина, и только сквозь обитую войлоком дверь из приемной слышался глухой стук пишущей машинки.

Итак, появилась новая фигура- «Волк». Не он ли является вожаком стаи? На протяжении всего следствия впервые появилось имя «Волка». Кто он, этот человек, который еще ни разу и нигде не оставил своего следа? А может быть, были следы, но Северцев прошел мимо и не заметил их?

Днем принесли прошитый и запечатанный сургучами пакет. Северцев, наклонившись над корзиной, сломал печати, лотом, посмотрев конверт на свет, аккуратно срезал его край ножницами.

Это был ответ на запрос Северцева относительно пистолета «ТТ» за номером 0802. В письме сообщалось, что настоящий пистолет числился за охраной Н-ского исправительно-трудового лагеря МВД СССР и, согласно докладной записке начальника лагеря, был похищен из караульного помещения ** февраля 195* года.

Северцев подошел к сейфу и извлек из объемистой лапки другое письмо. Даты сошлись. Исчезновение пистолета и побег Урганова были отмечены одними и теми же числами. Но, как известно, Урганов замерз в пути, и останки его покоились на кладбище. Каким же образом пистолет мог лопасть в Москву и очутиться в руках членов ургановской банды? Но, позвольте, откуда вообще возникло само понятие «банда Урганова»? Какая связь существует между покойным и людьми, которые находятся сейчас под следствием?

Вопросы нагромождались один на другой. Они требовали немедленного ответа. Ответы можно было получить лишь в результате активных оперативных действий. А так как единственно известным, но малоизученным объектом теперь оставалась квартира Хмель-ко, Северцев решил сиять не давшую никаких результатов засаду и, захватив с собою оперуполномоченного, сам поехал туда...

15

За дверью не ощущалось никаких признаков жизни. Северцев постучал настойчивее. Послышались торопливые шаги, и испуганный голос спросил:

- Кто там?
- Из уголовного розыска. Откройте.
- Сейчас. Одну секунду.

Шаги удалились. Прошло минут пять. Северцев постучал снова.

Наконец на пороге появилась Хмелько. Она была напудрена и подкрашена, но даже краска не могла скрыть бледности ее щек.

- Почему вы не открывали? - строго спросил Северцев.
- Странный вопрос, не могла же я выйти к вам голой! - Она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась жалкой.

Северцев прошел в комнату.

- Вы живете одна?
- Да, то есть нет, как вам сказать...- Она замялась.
- Говорите прямо: да или нет?
- Видите ли, собственно, я живу с братом, но он ночует у себя в мастерской.
- В какой мастерской? - не понял Северцев.
- Брат - скульптор.
- Так,- неопределенно сказал Северцев.- А сами вы чем занимаетесь?
- Сажу на шее у брата.- Она повела плечами, зябко кутаясь в свой халат.
- Можно видеть вашего брата?
- Сейчас. Я позову его,- забеспокоилась она.- Но если хотите, мы пройдем прямо к нему. Это здесь, в нашем доме.

По шаткой внутренней лестнице они поднялись на второй этаж.

Посреди комнаты на низком деревянном помосте возвышалась полутораметровая скульптура женщины с девочкой на руках.

Худощавый юноша с выпачканными глиной руками обернулся, и Иван Ильич прочел в его глазах недоумение.

- Товарищ из угрозыска,- поспешила объяснить Соня.

- Этого еще не хватало! - воскликнул он, но, тотчас спохватившись, добавил совсем иным тоном:- Входите, пожалуйста.- И, накрыв газетой не очень чистую табуретку, подвинул ее Северцеву.- Прошу садиться.

- Я вижу, что оторвал вас, извините,- сказал Иван Ильич.

- А я и не сомневался, что рано или поздно этим должно было кончиться. Чем могу служить? Впрочем, догадываюсь.- Он метнул молнию в сторону сестры, и та съежилась под его взглядом.- Надеюсь, ты отдала товарищу эту штуку?

- А у меня ее никто и не спрашивал.

- Может быть, ты ожидаешь запроса в письменной форме? - язвительно заметил он.- Сейчас же спустись и принеси, понятно?

Она послушно вышла из комнаты.

- Вы себе не представляете, с каким наслаждением я бы накостылял этой дуре по шее! Но, к сожалению, невозможно, женщина! - И он беспомощно развел руками.

Спустя несколько минут возвратилась Хмелько и принесла пистолет.

- Вот.- Голос у нее дрожал.- Только обещайте, что мне ничего не будет.

- Я не стану давать никаких обещаний,- сказал Северцев.- Откуда у вас оружие?

- Не подумайте, что я хотела воспользоваться им, ей богу, я даже не знаю, из какого конца нужно стрелять.

Наступила пауза. Скульптор с мрачным видом расхаживал по комнате, поглощая одну сигарету за другой.

- Вы не ответили на вопрос,- напомнил Северцев.

- Что же ты, говори! - загремел скульптор.- Ты все, все говори!

Она подробно рассказала о визите Брайцева, о двух посещениях Боткинской больницы и о встрече с «Рыбаком». Только о «Дяде», о котором писал Басов из больницы, не было сказано ни единого слова.

- Значит, вам было известно, чем промышляет Басов? - спросил Северцев.

- Я догадывалась,- тихо ответила Соня.

- Не морочь голову,- вмешался брат.- Разумеется, она знала, знала все, даже больше, чем ей полагалось знать!

- И, несмотря на это, вы продолжали встречаться?

- Ну и что же! - неожиданно вызывая крикнула она.- Мне нравится этот мужик, понимаете, нравится! А, да мне наплевать, что вы обо мне думаете!

- А кто такой «Дядя»? - резко спросил Северцев.

И без того уже бледное ее лицо стало еще бледнее.

- Я спрашиваю вас: кто такой «Дядя», гражданка Хмелько?

- Я не знаю... Нет, что вы, я действительно не знаю, клянусь мамой.

- Кто же, в таком случае, находился у вас, когда пришел человек из больницы?

- Я,- вмешался брат.- Я даже требовал, чтобы она не впускала неизвестного человека, а потом запретил ей идти в больницу.

- Ты говоришь дикие вещи! - Она обернулась к нему.- Как я могла не пойти, если, если... А ну вас всех к черту! Оставьте меня!

- А за пистолетом к стадиону «Динамо» вы тоже не могли не пойти? - спросил Северцев.

- Ну казните, казните меня! - рыдая, закричала она.- Казните меня за то, что я баба!

- Держи себя в руках, истеричка! - закричал брат.

- Давайте разберемся спокойно,- предложил Северцев,- свои отношения вы выясните, когда я уйду. Так, значит, вы говорите, за пистолетом никто не приходил?

- Нет, почему, я этого не говорила,- все еще продолжая всхлипывать, возразила она.

Ее ответ поразил Северцева, как удар молнии.

16

- Позвольте, - нетерпеливо спросил Северцев, - но вы только что утверждали, что не знаете никакого «Дядю»?

- Нет. Не знаю.

- А кто же тогда приходил к вам?

- Какой-то молодой человек, я его видела впервые.

- Почему он не взял пистолета?

- Он осмотрел его, нашел какую-то неисправность и сказал, что «машинку лапали».

- Все?

- Все, - ответила она.

- Когда это было?

- Вчера. Около десяти утра.

- Он пришел тем же путем, что и я?

- Нет, через черный ход, который выходит в другой переулок.

О существовании второго входа Северцев слышал впервые. У него заломило в висках.

«Упустили, - подумал он, - по-глупому упустили».

Узнал Иван Ильич и еще одну деталь. Молодой человек тут же, в комнате Сони, написал какую-то телеграмму, но не отправил ее, а немного подумав, разорвал. Клочки бумаги он унес с собой.

- На чем он писал?

- Я дала ему старую тетрадь с конспектом. Ведь я же когда-то училась в энергетическом институте.

- Где эта тетрадь?

- Сейчас...- Она мучительно вспоминала.- Сейчас я соображу, куда ее сунула... Ах, вот она!

Северцев раскрыл тетрадь. Страниц пятнадцать были исписаны мелким торопливым почерком. Он прочитал несколько фраз. Это была лекция по сопромату. Следующий лист был выдран, и на сгибе сохранились клочки. Дальше... Северцев подошел к свету и поднял раскрытую тетрадь на уровень глаз...

В научно-техническом отделе страницу, сохранившую слабые следы букв, сфотографировали при скользящем свете. Фамилии адресата и полного текста восстановить не удалось, но отдельные слова все же проявились. Подставив недостающие буквы, Северцев прочитал: «...нка, дом 2, кв. 23... на карантине. Расскажу при встрече». Однако дело было даже не в содержании. Теперь полковник располагал почерком, а это при известных обстоятельствах позволяло надеяться, что по почерку может быть найден и сам преступник...

Кем был человек, пришедший за пистолетом? Кого он пытался предупредить телеграммой о том, что квартира Хмелько «на карантине»? На какой улице Москвы расположен дом № 2 с квартирой 23? Известно было лишь окончание названия улицы «...нка». Но в Москве много улиц с таким же окончанием. И на каждой из них есть дом № 2...

17

Продолжая искать следы «Волка», Северцев решил ознакомиться с томами старого уголовного дела, которое Брайцев извлек из архивов Мосгорсуда. Даже сам по себе заголовок на папках был ошеломляюще красноречив: «О хищении из... ского отделения Мосгорбанка 1 миллиона 800 тысяч рублей».

12 апреля 194* года, в три часа дня, Алексей Урганов вместе с двумя своими сообщниками, подъехав на машине к отделению Госбанка, расположенному на одной из центральных площадей Москвы, похитил оттуда 1 миллион 800 тысяч рублей.

Это был последний «подвиг» Урганова, за которым следовали побег из лагеря и гибель во время пурги.

Но Северцева заинтересовал более ранний период ургановской биографии. Одно из старых дел показалось Северцеву подозрительно знакомым.

Работая в одиночку, как-то в начале войны Урганов проник в квартиру подполковника, находящегося на дежурстве в Наркомате обороны. Неожиданно возвратился хозяин. Казалось, это уже был конец: подполковник имел при себе оружие. Но Урганов предъявил подполковнику фальшивое удостоверение оперуполномоченного НКВД и объяснил, что в квартире производится обыск. Затем он предложил сдать оружие.

- Где человек, с которым вы только что поднимались по лестнице?- спросил Урганов.

Подполковник опешил. Он не заметил никакого человека, так как шел один.

Приказав подполковнику не двигаться с места, Урганов крикнул кому-то, якобы находящемуся во внутренней комнате, что сейчас возвратится, и вышел из квартиры...

Это было давно. Но Северцев вспомнил обстоятельства недавней кражи, происшедшей на Новопесчаной улице и оставшейся нераскрытой.

Женщина, случайно вернувшись домой среди дня, застала в передней незнакомого мужчину.

- Не волнуйтесь!-предупредил он ее вопрос.- Вас пытались обокрасть, но преступникам, видимо, помешали. Уже приняты все меры. Я понятой. Прошу вас не делать ни единого шага. Сейчас возвратятся товарищи из милиции, которые пошли за служебной собакой.

Потом он попросил ее проследить, чтобы в комнаты не входили посторонние и не затоптали следов, и отправился выяснять причину задержки... Так из квартиры исчезли золотые часы, браслет, облигации и крупная сумма денег.

Две эти кражи, старая и новая, были схожи по приему, использованному преступником, которого застигли врасплох. А если к этому присовокупить загадочные обстоятельства исчезновения пистолета «ТТ», вдруг оказавшегося в Москве... Если вспомнить, что при ограблении байка Урганов пользовался машиной и теперь вновь шла охота за автомашинами... Если собрать воедино все эти разрозненные факты, возникал вопрос: действительно ли череп и кости, найденные в тундре весной, были Алексея Урганова?

Северцев принял решение: произвести эксгумацию трупа и доставить череп в Москву. На рассвете Брайцев вылетел в Н-ский лагерь.

...Неудача, которая постигла следствие с провалившейся засадой в доме Хмелько, неожиданно компенсировалась целой серией удивительных удач.

Графическая экспертиза установила, что автором телеграммы, написанной у Хмелько, возможно, является Федор Евгеньевич Волков, 1933 года рождения, приговоренный условно к году тюремного заключения за пьяный дебош в ресторане «Европа».

Волков-«Волк»? Это было более чем странно. Неужели столь зеленый юнец на самом деле руководил бандой?

С фотографии смотрела сальная физиономия с тоненькой черточкой усиков вдоль верхней губы. «Сморчок», - подумал Северцев.

Накануне этого открытия в один из скупочных магазинов, куда был переслан список вещей, похищенных на квартире Лосева, вдруг поступило пальто, весьма подозрительное по своим приметам. Так как магазин уже закрывался, Северцев позвонил на службу Лосеву и договорился, что завтра с утра они вместе отправятся туда.

- Мое! - взглянув на пальто, воскликнул Лосев.- Проверьте: должна быть разорвана подкладка под левым рукавом!

В самом деле, подкладка под левым рукавом разошлась по шву.

Приемщик записал фамилию и адрес сдававшего пальто. Это был совершенно новый человек, еще неизвестный Северцеву,- студент четвертого курса Московского авиационного института Сергей Ямцов.

В дирекции института и в комитете ВЛКСМ Северцев получил исчерпывающие данные о Ямцове: персональный стипендиат, член студенческого научного общества, секретарь факультетского бюро комсомола.

Ямцова пригласили в директорский кабинет, и они остались с Северцевым вдвоем. Северцев спросил Ямцова, как к нему попало пальто.

История была такова. Старый школьный товарищ Федя Волков, с которым у Ямцова давно уже разошлись интересы, сохранил обыкновение изредка заходить к нему. Как-то утром Волков, заскочив на минутку, попросил Ямцова одолжить ему полтора рубля. «Только до завтра», - клялся он. Лишних денег не было, предстояло еще тянуть до стипендии, и Ямцов отказал. Тем более, что Волков не имел обыкновения возвращать долги. Но Волков настаивал, уверял, что от этих ста пятидесяти рублей зависит вся его жизнь, все его будущее счастье,- ведь только на один день, ведь завтра... В обеспечение своего долга он оставил Ямцову пальто, «почти совсем не надеванное, понимаешь, до слез жаль тащить его в скупку». Однако вслед за завтра наступило послезавтра, прошло еще двадцать дней, а Волков не появлялся. На днях Ямцов встретил его, он деликатно намекнул о долге, тот отмахнулся: нашел, мол, о чем вспоминать. На том свете сочтемся. Но Ямцов предпочитал произвести расчеты еще на этом свете и, разозлившись, отнес в скупочный магазин оставленное Волковым пальто. Ему заплатили четыреста рублей. Он тут же пришел к Волкову, чтобы вернуть разницу. Узнав, что пальто сдано в скупку, Волков сначала струхнул, а потом набросился на Ямцова, обвиняя в том, что тот чуть ли не погубил его...

...Возвратившись к себе на Петровку, Северцев позвонил в таксомоторный парк и просил срочно разыскать Валежина. Из пяти фотографий, разложенных на столе, Валежин выбрал одну.

- Он, Иван Ильич. Тот самый - второй, худощавый.

Точно такая же операция фотографического опознания была проведена и со свидетелем Корнеевой. Становилось очевидным, что Федя Волков является участником бандитской группы, а может быть, и вожак волчьей стаи.

Получив санкцию прокурора, Северцев вместе с Гринюком и Карпатовым выехал на квартиру

Волкова, чтобы произвести арест.

Волкове дома не оказалось. Когда его мать узнала, что приехали арестовывать сына, с ней сделался сердечный приступ. Волков-старший, пытаясь успокоить жену, заявил, что, по всей вероятности, произошло досадное недоразумение. При этом он весьма недвусмысленно намекнул на некоего высокого начальника - своего институтского друга, который, без сомнения, пресечет произвол.

- Я готов дать руку на отсечение,- горячо уверял он,- что у моего сына забавы самого невинного порядка! Ну, съездит на охоту, выпьет слегка, иногда пошумит в ресторане... Я готов дать руку...

- Считайте, что вы уже без руки,- с грустью заметил Северцев.- Ваш сын попал в опасную компанию. И, возможно, в его же интересах сейчас изолировать его.

- Прекрасно!- ухватился за эту мысль Волков.- Я увезу его на два месяца в Сочи. В конце концов, мы можем отправить его к тетке в Краснодар.

- Поздно,- сказал Северцев.- Вы проглядели своего сына. Теперь уж его воспитанием придется заняться нам.

- Боже мой!- сокрушалась Волкова.- Мы же не отказывали ему ни в чем, мы же ни разу пальцем его не тронули!..

Северцев устал от этих сентенций, сопровождающихся всхлипываниями и заламыванием рук.

- Я должен буду произвести в его комнате обыск,- сказал он.

- Обыск?!-переспросил Волков. У него даже захватило дыхание от неожиданности.- Обыске моей квартире! Да вы отдадите себе отчет в своих действиях?

- Вполне,- спокойно ответил Северцев и, обернувшись к Гринюку, приказал:-Пригласите, пожалуйста, понятых.

В письменном столе, перебирая ящик за ящиком, Северцев обнаружил богатую коллекцию всевозможных приспособлений и устройств, которыми развлекался юный Волков. Здесь был кастет, два внушительных наладонника, причем один замаскированный в виде часов, нож, вделанный в обыкновенную расческу, и даже музейный кистень, которому мог бы позавидовать сам Соловей-разбойник.

Но все это были мелочи, жалкие побрякушки по сравнению с тем, что увидел Карпатов, когда приподнял на кровати матрац. Аккуратно сложенные один к другому, лежали двенадцать инкассаторских мешков, стандартного размера и установленной формы. Это открытие стоило сотен других. Инкассаторские мешки! Так вот почему им нужна была машина, и не какая-нибудь, а именно такси! Так вот где была незримая нить, роднившая тень Урганова со всей этой разношерстной группой! Только на этот раз методика была упрощена: зачем подбирать ключи, взламывать запоры, вырезать окна в стальной броне несгораемых шкафов, если можно под вечер проехаться на такси по нескольким наиболее крупным магазинам и обрести сразу сотни тысяч рублей, пересчитанных и запечатанных в мешках.

А Волков-старший стоял в дверях блее ночной сорочки. Он уже не возмущался ничем и не грозил. Слишком уж ошеломляющим оказались для него и этот ночной обыск, и нож в виде невинной расчески, и, главное, инкассаторские мешки, мешки с торчащими веревочками для пломб и печатей.

И вдруг Волков вспомнил свою юность... Он был конником у Котовского, чуть не умер от тифа в двадцатом году, в двадцать пятом строил шахты в Донбассе, носил на плече рваный шрам - след кулацкой пули - память о коллективизации на Смоленщине. Всю свою жизнь, все силы свои он отдал тому, чтобы крепла, торжествовала его родная, его кровная Советская власть. И вот оказывается, что его сын Федор, Федечка, Федька, тот мальчик, которого он носил на руках, которому он покупал дорогие игрушки, в котором он не чаял души, вырос и ходил теперь с наладонником и кастетом, складывал под своим матрацем инкассаторские мешки, чтобы грабить именно эту самую его родную, его кровную Советскую власть!

- Судите, сошлите его в тартарары!- говорил Волков, задыхаясь.- Чтобы он землю рыл, чтобы он камни на плечах таскал, чтобы он понял, подлец, почем в жизни фунт лиха!

- Опомнись, что ты говоришь, это же твой сын!- прошептала Волкова.

- Молчать!- крикнул он так, что зазвенел хрусталь.- Молчать!

...За окнами уже занимался рассвет. Федор Волков не возвращался.

- Где же ваш сын?-спросил Северцев..

- Не знаю,- растерянно прошептала Волкова.- Он должен был к обеду возвратиться с охоты. И, как видите, не пришел. Должно быть, опоздал на поезд и заявится утром. С ним это уже бывало.

Но Волков не появился и утром. Не было его и на другой день. Северцев снял засаду в квартире и объявил розыск. Во все концы страны спецсвязью полетели фотографии Волкова в фас, в профиль, во весь рост. Все было напрасно. Волков исчез.

На третьи сутки после той памятной ночи мать Волкова пришла на Петровку, слезно умоляя дать ей свидание с сыном или хотя бы разрешить передачу.

Напрасно Северцев уверял, что Федор сбежал,- она не верила.

- Вы должны понять меня,- говорила она, торопливо вытирая бегущие по дряблым щекам слезы,- я же мать!..

И она снова рассказывала:

- Накануне вечером зашел его друг Ямцов, они о чем-то резко поговорили, дверь была заперта, а я не имею обыкновения подслушивать разговоры сына. Но когда Ямцов ушел, я заметила, что Федор озабочен, он долго объяснялся с кем-то по телефону, я в это время как раз была на кухне и не слышала, о чем шла речь. Потом он вдруг внезапно собрался на охоту, надел свой охотничий костюм, взял у меня тридцать

рублей на дорогу и сказал, что вернется завтра. Он даже просил, чтобы я приготовила на ужин его любимые сырники со сметаной. Но на завтра он не пришел. А вечером приехали вы, и произошла вся эта кошмарная сцена. Прошло уже столько дней, а мы в полном неведении о судьбе нашего сына. Где он? Вы-то, по крайней мере, должны знать?

- М-да,- задумчиво произнес Северцев,- к сожалению, и мы не знаем...

В этот день возвратился Брайцев. Он приехал усталый, обросший до самых глаз, но очень довольный результатами командировки. Брайцев привез череп, который отлично сохранился и был вполне пригодным для предстоящих исследований.

В старом деле имелись фотографии Урганова. С них сделали репродукции и получили негатив. Точно в том же ракурсе, в каком был заснят в свое время Урганов, сфотографировали череп. Теперь в отпечаток с первого негатива предстояло впечатать второй. Если череп действительно принадлежал человеку, запечатленному на фото, то в определенных местах ряд точек первого и второго снимков должны были абсолютно совпасть. Этот тип исследования носит в криминалистике наименование метода фотоаппликации.

Но как ни пытались совместить отпечатки с обоих негативов, критические точки упрямо отказывались совпадать.

Тогда Северцев решил прибегнуть еще к одному методу исследования. Он обратился к профессору Тарасову с просьбой восстановить портрет по черепу.

По мере того, как подвигалась вперед работа Тарасова, оставалось все меньше и меньше сомнений в том, что Урганов жив. Искусный мастер воссоздал скульптурный портрет человека монгольского типа с резко выдающимися скулами и узкой прорезью глаз.

Нет, можно было с уверенностью сказать, что это кто угодно, но только не Урганов. Однако, чтобы уничтожить последнюю тень сомнений, Иван Ильич, связавшись с Архангельским областным управлением МВД, просил выяснить по архивным данным, не исчезал ли в известный период какой-нибудь человек, живший в районе Н-ского лагеря? Спустя сутки пришел положительный ответ. Среди старых, нераскрытых дел фигурировало заявление местной жительницы ненки Угарэ о том, что ее муж, отправившийся в тундру проверять капканы, пропал без вести. По телефону Северцев срочно запросил фотографию охотника. Пакет доставили в Москву с очередным рейсовым самолетом.

Взглянув на фотографию, Северцев понял, что нет даже необходимости в фотоаппликации: перед ним был человек, которого воспроизвел в своей скульптуре Тарасов. Значит, сам Урганов жив, а за него приняли охотника, убитого Ургановым.

18

Прошло две недели со дня исчезновения Волкова, когда Северцеву сообщили, что на имя Багрова поступил перевод в сумме тридцати семи рублей. До сих пор Багров не получал даже писем. Никто не приходил справляться о нем, никто не приносил передачи. И вдруг денежный перевод. Тридцать семь рублей,- эта сумма насторожила Северцева. Почему именно тридцать семь, а не тридцать пять или, скажем, сорок? Что означало это число? Но как он ни ломал себе голову, догадаться не смог.

Самым простым выходом было бы задержать деньги и не сообщать о них заключенному. Но Северцев поступил иначе. Он решился на риск, рассчитывая в ходе допроса раскусить этот орешек. Северцев отлично понимал степень своего риска: в случае неудачи он как бы становился посредником между Багровым и тем, кто в данный момент считал необходимым подать сигнал по условленному коду. Возможно, это был Волков или сам Урганов.

Итак, Иван Ильич пригласил на допрос Багрова. Это уже было далеко не тот лощеный хлыщ из модного ресторана, заезжающий туда на часок, чтобы послушать цыган.

Багров ерзал на стуле, поминутно оглядываясь по сторонам, и никак не мог пристроить свои длинные руки. Он нервничал, положительно нервничал, и Северцев с удовольствием отметил это.

- Я пригласил вас, Багров, отнюдь не для того, чтобы еще раз насладиться вашим искусством играть в молчанку.- Северцев был весел и даже немного насмешлив.- Вам пришел перевод, и вы можете получить деньги.

Багров промолчал.

- Вы ожидали их?-спросил Северцев.- Ну, отвечайте что-нибудь, это же не входит в круг вопросов, которые у вас принято обходить молчанием.

- Допустим, ожидал,- нехотя ответил Багров.

- Допустим,- в тон ему произнес Северцев.- А можно ли узнать, от кого?

- От приятеля. Фамилия не имеет значения.

- Разумеется,-согласился полковник.- Он что, возвратил вам долг?

- Именно,- подтвердил Багров, мучительно пытаясь понять, чего от него добивается Северцев.

- Сколько вы рассчитывали получить?

- Давайте кончим,- сказал Багров, которому становилось не по себе от издевательского тона Северцева.- Там пятьдесят рублей. Я знаю.

«Пятьдесят,- мелькнуло у Северцева.- Значит, иная цифра застигнет его врасплох». И он пошел в банк.

- Должен разочаровать вас, здесь только тридцать семь рублей.

Он с удивлением наблюдал, как расширяются зрачки у Багрова.

- Не хватает тринадцати? Ох, уж эта мне цифра тринадцать! Чертова дюжина - неприятное число!

- Откуда вы взяли цифру тринадцать? - упавшим голосом спросил Багров.

- Простая арифметика: пятьдесят отнять тридцать семь равняется тринадцати. Пример из учебника для второго класса.

- Липа! - сверкнул глазами Багров.

Игра была проиграна.

Багров понимал это.

- Прикажете проводить меня в камеру,- мрачно сказал он.

- А как же быть с переводом? Не стесняйтесь, берите его, на худой конец тридцать семь рублей - тоже деньги.-

И Северцев протянул почтовый бланк.

- Грубая работа,- возвращая бланк, заметил Багров.

- Ну уж это вы бросьте, - совершенно серьезно сказал Северцев. - Мы не подделываем документов.

- Разрешите мне отдохнуть часок в камере

- А что произойдет через час?

- Через час я начну давать показания.

- Так я и думал,- с удовлетворением произнес Северцев.

...Допросы шли параллельно. Одних допрашивал Иван Ильич, других - Сергей Васильевич. Арестованных сводили со свидетелями, устраивали им перекрестные допросы, вывозили на места преступлений, делали очные ставки. Произошло удивительное превращение: они были разговорчивыми, как никогда. Но Северцев почему-то не торжествовал. Его тревожило одно обстоятельство, которое на первый взгляд могло показаться естественным: все, абсолютно все, коллективно валили на Волкова. Багров показал, что Волков был организатором и главарем банды, Волков предлагал дела и основной куш получал тот же Волков.

Банда занималась исключительно грабежами такси и лишь изредка квартирными кражами. Ни о каких иных, более крупных делах не могло быть и речи. Это подтверждалось вещественными доказательствами и ходом всего предыдущего следствия. Но в стройной, логически обоснованной версии не оставалось места для двух кирпичей: инкассаторских мешков и убийства Коваленко.

И, делаясь своими мыслями с Брайцевым, Иван Ильич высказал твердое убеждение в том, что вся эта внезапная откровенность была продиктована сигналом извне и преследовала одну только цель: выдвинуть на первый план второстепенного Волкова, чтобы прикрыть его фигурой истинного главаря - Алексея Урганова. Нет, Северцев был бы слишком наивен, если б поверил в то, что зеленый юнец Волков мог направлять действия Багрова или Басова. Продолжалась все та же игра, только на этот раз она приняла новые формы. Теперь Северцеву недоставало лишь Волкова, чтобы расставить все по своим местам.

...К концу третьей недели со дня исчезновения Волкова стало известно, что он найден убитым и находится в Лефортовском морге. Следователь одного из подмосковных райотделов милиции, передавший это известие, не без гордости сообщил, что убийца им найден и заключен под стражу. Разговор был не для телефона, и, прервав на время допросы, Северцев выехал в подмосковный район.

В маленьком городке, окруженном церквями, он провел целый день. В первую очередь его интересовала личность убийцы, который оказался местным лесником. Уже сам по себе этот факт вызвал серьезные сомнения у Северцева. Зная весь ход предыдущих событий, Северцев почти не сомневался, что убил Волкова вовсе не лесник. Знакомство с материалами предварительного следствия еще более упрочило эту уверенность, и Северцев поразился шаткости объективных данных, на основе которых был арестован мнимый убийца. Труп обнаружили пионеры, совершавшие поход по изучению родного края. Вернее, они обнаружили даже не труп, а поросль годовалых елочек, увядших без всякой заметной причины. Заинтересовавшись болезнью елового семейства, ребята убедились, что это только еловые ветви, срубленные топором. Разметав прелые листья, путешественники увидели сжатую в кулак руку человека.

Сотрудники местного отдела милиции, производившие расследование, обнаружили на трупе две ножевые раны, расположенные одна над другою, несколько ниже левого соска. Труп был найден недалеко от лесной сторожки, поэтому первым, на кого пало подозрение, оказался лесник. Потребовались улики. Эти улики «нашлись». Характер срубов на еловых ветках показывал, что они сделаны топором, изъятым у лесника. Но тот и не отрицал этого факта, заявив, что к нему действительно заходили два незнакомых охотника и попросили одолжить им топор на случай, если придется разжечь костер. В залог они оставили тридцатку. Вечером один из охотников принес топор и сказал, что товарищ ждет его на дороге.

Кроме этой главной улики, была еще одна. Производя обыск в лесной сторожке, следователь нашел охотничий нож. Когда была снята деревянная ручка, внутри обнаружили обильные сгустки уже засохшей крови. И хотя лесник боился, что этим ножом он колот кабанчика под пасху, следователь не принял во внимание столь важное заявление.

Он был молод, самонадеян и честолюбив. Ухватившись за первое в своей практике крупное дело, он

рассчитывал благодаря своей проницательности (ею еще восхищались девушки в институте) и ловко поставленным вопросам добиться исчерпывающих показаний у лесника. Поэтому он начал прямо с ареста, поэтому он прислушивался лишь к собственному голосу, стараясь подчинить факты своей версии.

Северцев, захватив нож и ручку со сгустками крови, возвратился в Москву. Исследования показали, что кровь, обнаруженная в ручке ножа, оказалась свиной. К этому уже нечего было добавить.

...Лесник, приехавший в Москву по вызову Северцева, взглянув на фотографию Урганова, узнал в нем охотника, который возвратился без товарища и принес в сторожку взятый топор.

В кармане охотничьей куртки Волкова Брайцев нашел два троллейбусных билета. Сотрудники Управления троллейбусного транспорта по номерам установили дату продажи - месяц, число и даже час, а также маршрут троллейбуса и примерную остановку, на которой сели пассажиры.

Число совпадало с днем выезда Волкова на охоту. Маршрут троллейбуса был четвертым. Примерная остановка - район Якиманки. Сопоставив эти данные с окончанием названия улицы, которая фигурировала в неотправленной телеграмме Волкова - «...нка», Северцев пришел к выводу, что встреча между Волковым и Ургановым состоялась где-то недалеко от квартиры последнего. Однако в доме 2 по Якиманке никаких жильцов, похожих на Урганова, не оказалось. Тогда Северцев собрал у себя группу участковых из отделений милиции, расположенных в этом районе. Введя их в курс дела, чтобы они прониклись всей важностью предстоящей задачи, Северцев раздал участковым по экземпляру фотографий Урганова. От участковых требовалось только одно: сегодня же осторожно проверить подведомственные дома и в случае малейшего подозрения немедленно сигнализировать Северцеву.

Участковому уполномоченному Карпову лицо Урганова показалось знакомым. «Уж не тот ли это жилец пенсионерки Авдеевой, которого я чуть было не оштрафовал за проживание без прописки?» - подумал Карпов.

На обратном пути он мучительно вспоминал фамилию жильца - не то Посенцов, не то Поченцов, но уж, конечно, не Урганов...

Приехав в отделение, Карпов первым делом зашел в паспортный стол и, рассказав по величайшему секрету девушке-паспортистке то, что он слышал у Северцева, попросил ее помочь уточнить фамилию. Фамилия оказалась не Посенцов и не Поченцов, а Почепцов Евсей Матвеевич, уроженец Ростова-на-Дону, прописанный в Москве временно.

Ангелину Леонтьевну Авдееву он застал на кухне, где она жарила для своего жильца яичницу с луком. Карпов справился о здоровье, расспросил про жите-бытие и, решив, что предварительной подготовки достаточно, перевел разговор на главное.

- А что,- насторожилась Авдеева,- он у меня прописан! Еще с двадцать пятого февраля.

- Да не про то я,- таинственно зашептал Карпов.- Как он у вас тут, не выпивает? Не шумит?

- С чего вы взяли? - поразилась Авдеева.- Разве поступало какое-нибудь заявление?

- Заявлений не поступало, но...- Карпов оглянулся по сторонам и, удостоверившись, что вокруг нет никого, достал фотографию Урганова: - Он?

- Он,- подтвердила Авдеева.- А что стряслось-то?

- Ничего,- успокоил Карпов и, чтобы перевести разговор на другую тему, спросил, кивнув на уже начавшую подгорать яичницу.- Ужинать, значит, собираетесь?

- Нет,- возразила Авдеева,- это как раз ему.

- Ну, ну,- промычал Карпов,- стало быть, приятного аппетита! - Он еще раз оглянулся вокруг и строго предупредил: - Только об этом разговоре ни-ни! Под вашу личную ответственность! Твердо?

Но, очевидно, Авдеева недостаточно твердо уяснила себе, в чем должна состоять ее личная ответственность, потому что, когда через сорок минут, окружив дом на Малой Полянке, Северцев вошел в квартиру Авдеевой, комната, занимаемая ее жильцом, оказалась пустой. По свидетельству Авдеевой,

житель собрался за четверть часа, позвонил по телефону в справочную какого-то вокзала и, сказав, что отбывает на несколько дней, исчез. Все это произошло мгновенно, после того, как она передала ему содержание своего разговора с участковым уполномоченным.

К великому счастью Карпова, его в этот момент не оказалось поблизости, ибо Северцев был почти невменяем. Ему хотелось биться головою об стену от ярости на сверхъестественную глупость участкового Карпова, который своей медвежьей услужливостью погубил все.

Приступили к обыску. Пока Брайцев с Карпатовым перебирали по одной вещичке нехитрый гардероб Урганова, Северцев широкими шагами расхаживал по комнате, прикуривая одну папиросу от другой.

Искали адреса, письма, хотя бы конверт, один из тех, в которых, по словам Авдеевой, аккуратно получал письма Евсей Матвеевич.

Но ни писем, ни конвертов не было. Гася папиросу о чугунную пепельницу, стоящую на причудливом ломберном столике, Северцев обратил внимание на пресс-папье. Вместо ручки на посеребренной пластинке возлежала дева с распущенными волосами и русалочьим хвостом. Поднеся к свету эту вещичку, Северцев случайно повернул ее промокашкой вверх и вздрогнул от неожиданности. На промокашке отпечаталась часть адреса - улица и номер дома. Приставив к ней зеркальце, Северцев прочитал: «...Низами, дом 18, кв. 23, Шахсейнову».

20

Ночью были наведены необходимые справки. В девятнадцати городах Закавказья и Средней Азии имелись улицы и переулки, носившие имя Низами. В четырнадцати городах на улицах Низами стояло по дому с номером 18. Но только один дом номер 18 имел тридцать квартир. И только в одном этом доме проживал гражданин, носящий фамилию Шахсейнов. Улица Низами с тридцатиквартирным домом находилась в Ташкенте.

Значит, скорее всего Урганов мог податься туда. Был и еще один географический пункт, где в 1953 году паспортный стол 3-го отделения милиции выдал паспорт Евсею Матвеевичу Почепцову. Кто такой Почепцов?

Начальника паспортного стола города Ростова подняли ночью с постели. Брайцев по телефону объявил ему, что дело не терпит ни часа. Он и слушать не желал мольбы ростовчанина повременить хотя бы до десяти часов утра.

В половине третьего ночи Ростов передал по телефону следующую справку: Евсей Матвеевич

Почепцов с марта 1954 года покоится на Братском кладбище. Паспорт был похищен или куплен - неизвестно.

...Между Москвой и Ташкентом курсируют два поезда: четырнадцатый - скорый и пассажирский-пятьдесят шестой. Скорый отпал: он отправлялся в 19.20, а Урганов вышел из дома около девяти. Значит, скорее всего он уехал пятьдесят шестым, отходящим с Казанского вокзала в 22 ровно.

Поезд находится в пути сто шесть часов и двадцать пять минут. Он прибывает в Ташкент на пятые сутки. Итак, для полного отчаяния пока не было оснований. Урганова еще можно догнать.

Эту ночь Северцев и Брайцев провели в угрозыске. На рассвете уже был составлен конкретный план действий. В четыре часа утра вместе с Гринюком и Карпатовым они были во Внукове.

Северцев вылетел в Ташкент. На всякий случай он решил ожидать Урганова в доме 18 по улице Низами. Гринюк и Карпатов должны были лететь до Илецка и там на вокзале снять Урганова с поезда. Самая ответственная миссия выпала на долю Брайцева, которому предстояло сесть в поезд в Куйбышеве, найти Урганова и не спускать с него глаз до Илецка.

Брайцев прибыл в Куйбышев за два часа до прихода поезда. Он спокойно добрался с аэродрома, успел перекусить в вокзальном ресторане и даже побриться. Поезд опаздывал на двенадцать минут. По этому случаю была сокращена стоянка, и в тринадцать десять состав плавно отошел от платформы, продолжая свой путь на Ташкент.

Брайцев медленно двигался по ходу поезда, переходя из вагона в вагон и всматриваясь в лица пассажиров. Он дошел до конца, вернулся и снова проделал тот же путь. Урганова в поезде не было. Брайцев решил еще раз проверить себя. С фотографией в руках он стал обходить проводников, допытываясь у них, не видели ли они такого пассажира. Проводник третьего вагона ответил утвердительно. Пассажир сел в Москве, билет у него был до Ташкента, он взял постель и расположился на отдых, но, не доезжая Сызрани, попросил свой билет обратно, объяснив, что решил сделать остановку. Пассажир сошел в Сызрани, вот почему проводник запомнил его.

...Поезд подходил к станции. Брайцев прыгнул на платформу и побежал к расписанию. Встречный

должен быть не раньше, чем через четыре часа. Нет, положительно на каждом шагу подстерегала какая-нибудь неудача! За неимением иного выхода Брайцев решил ждать.

Он возвратился в Куйбышев уже под вечер и, прямо с вокзала позвонив в областное управление МВД, вызвал дежурную машину.

Шофером попался бывший танкист, обожавший быструю езду, «что-нибудь эдакое, ну, понимаете, чтобы душа холодела». Через полтора часа они оказались в Сызрани.

Избрав уже однажды оправдавший себя способ, Брайцев подошел к окошечку кассирши и, представившись, показал ей фотографию Урганова.

- Был такой гражданин. Я продала ему мягкий билет до Ростова. Поезд ушел полчаса назад. Если достанете машину, вы сможете нагнать его в Поворине.

Был известен номер вагона и можно было дать телефонограмму по линии, чтобы в Поворине или даже в Балашове к поезду выслали наряд, но Брайцев не рискнул передавать Урганова в незнакомые руки и выехал на машине сам.

В Балашове они поезда не догнали: слишком уж разбитыми были проселочные дороги.

На перрон Поворинского вокзала Брайцев влетел вместе с паровозным гудком. Поезд уже тронулся. Махнув рукой на прощанье шоферу, Брайцев прыгнул в ближайший вагон.

Он постоял в тамбуре, отдышался и, переложив пистолет в наружный карман пиджака, двинулся через весь состав навстречу Урганову.

Колеса стучали на стыках, вагоны едва ощутимо раскачивало из стороны в сторону. Быстро спускалась черная южная ночь с невысказанно высоким куполом неба, усыпанным мириадами звезд. Пролетали за окнами телеграфные столбы, деревья и станционные будки. Бесконечно разворачиваясь фантастическим веером, плыла пахучая и прохладная степь.

Он справился у проводника мягкого вагона о пассажирах второго купе. В купе было трое: дама с девочкой пяти лет и мужчина, ехавший От Сызрани.

Брайцев прошелся по узкому коридору и остановился у окна, неподалеку от второго купе.

Дверь была приоткрыта. Устроившись у матери на коленях, девочка ела дыню. Сок стекал по подбородку и капал прямо на платье.

Сделав еще несколько шагов, Брайцев обернулся и тут же почувствовал, как кровь застучала в висках.

Закинув ногу на ногу, на диване сидел Урганов. Он был в легкой рубашке-тенниске и в габардиновых брюках, сужающихся книзу. Точно такой же пиджак висел на крючке у окна. Широкое белое запястье облегал массивный золотой браслет часов. Темные волосы были небрежно зачесаны назад, и одна прядь, спадавшая на лоб, завивалась колечками.

«В купе брать нельзя,- решил Брайцев,- мешают женщина и ребенок». Он понимал, что не имеет права подвергать риску их жизнь. О собственном риске Брайцев не подумал.

Возвратившись в противоположный конец вагона, он передал проводнику текст телеграммы на ближайшую станцию, чтобы к поезду был выслан наряд, и договорился, что в случае необходимости займет служебное купе. Потом, выбрав себе наблюдательный пункт в коридоре, Брайцев стал ждать. Он не сомневался, что рано или поздно кто-нибудь из пассажиров второго купе выйдет в туалетную. Если мать с дочерью,-он возьмет Урганова прямо в купе, если Урганов,-все произойдет здесь. Но там или здесь это должно произойти. неизбежно.

Вышли мать с дочерью. Он дождался, пока они минуют его и достигнут конца коридора. Пора! Брайцев неслышно подошел к двери и откатил ее прочь.

- Не двигаться!

Урганов рванулся к пиджаку...

- Руки! - угрожающе предупредил Брайцев.- Руки на колени. Одно самовольное движение, и я спущу курок, Урганов.

Урганов с ужасом смотрел на него. На лбу его мелкими капельками выступил пот.

Нужно было спешить. С минуты на минуту могли возвратиться мать с дочерью.

- Встаньте,- приказал Брайцев.

Урганов подчинился. Держа наготове пистолет, Брайцев свободной рукой ощупал Урганова и извлек из заднего кармана брюк «Вальтер». Потом, пятась, он вышел в коридор и, придерживая на всякий случай дверь, чтобы Урганов вдруг не захлопнул ее, пригласил его выйти.

- Вещи брать нужно? - спросил Урганов.

- Вещи останутся здесь.

- А пиджак?

- И пиджак тоже. Выходите.

Он пропустил его вперед.

И в этот момент Урганов побежал. Просто побежал, как бегут мальчишки, играющие в «догонялки». Брайцев обомлел от такой наглости.

В тамбуре промелькнула его тень, и тотчас же шелковые занавески надулись от порыва встречного ветра. Глухо хлопнула дверь.

- Спрыгнул! - вырвалось у Брайцева.

Поезд миновал подъем, с каждой секундой убыстряя ход.

Брайцев сорвал «стоп-кран» и открыл двери.

...Над головой висело иссиня-черное небо... На горизонте в степи полыхал огонек костра, и на этот огонек бежал Урганов.

- Стой! - крикнул Брайцев, но тот даже не обернулся. Спустив предохранитель, Брайцев стал целиться.

Он видел впереди спину бегущего. Это был не человек, это был волк, хищник, уходящий в степь, чтобы вновь убивать, грабить, собирать себе новую стаю.

Брайцев нажал на спуск и патрон за патроном выпустил всю обойму.

...Когда он подошел к нему, Урганов лежал на траве. Левая рука была закинута за спину. Он был мертв...

21

Спустя сутки после гибели Урганова Северцев возвратился в Москву. Пора уже было заканчивать дело, и, решив поставить последнюю точку, Иван Ильич вызвал в свой кабинет всех участников «волчьей стаи». Они сидели полукругом на табуретах, сложив руки на коленях,- шесть человек:

Николай Багров, Дмитрий Басов, трое, арестованные на Можайском шоссе, и, наконец, Михаил Косов - «Рыбак».

Ни разу еще не собирали их всех вместе, и теперь, чувствуя плечо друг друга, они, казалось, готовы были дать Северцеву бой.

Однако Северцева несколько не беспокоила их решимость: он знал, что через несколько минут она сменится отчаянием.

Шесть пар глаз смотрели на него выжидающе.. Он встал из-за стола и прошелся по кабинету.

- Ну, что ж,- вдруг неожиданно громко сказал он.- Пора и честь знать. Дело ясное. Теперь уже ни в чьих интересах оттягивать развязку. А вы как думаете на сей счет?

Ему не ответили. Он был готов к этому.

- Позавчера в степи под Поворином при попытке к бегству был убит Урганов,- медленно произнес Северцев.- Никто из вас не может опасаться его мести. Нет, нет, я не ввожу вас в заблуждение. Убедитесь сами - этот снимок сделан позавчера на рассвете. Вот он, ваш главный волк. Узнаете?

И Северцев пустил по рукам фотографию, сделанную в степи.

Никакого чуда не произошло. Люди, подобные Багрову и Басову, умеют скрывать свои чувства. Но от опытного взгляда Северцева не ускользнуло, что они были рады такой развязке.

Даже в глазах угрюмого Багрова промелькнула веселая искорка.

- Так что же, будем кончать?- дав им собраться с мыслями, поинтересовался Северцев.

Они переглянулись. Басов усиленно мня кепку, лежащую у него на коленях. Было душно. Игра в молчанку продолжалась. Наконец Басов откашлялся и, ударив об пол кепкой, сказал:

- Этого гражданина, который снят на карточке, мы не знаем. И, вообще, когда заговорит моя кепка, заговорю и я.

Эта фраза, явно рассчитанная на то, чтобы поднять боевой дух остальных подследственных, не имела успеха. Судя по выражению лиц, мелькнувшая было надежда на то, что сегодня можно будет уже рассказать все и избавиться наконец от гнетущего чувства неизвестности, вновь сменилась разочарованием. Басов, очевидно, решивший принять на себя роль главного в банде, приказывал молчать. Но оставался еще Багров, которому, по видимому, не понравилось ни заявление Басова, ни его самовольный захват власти в шайке.

Внимательно наблюдая за состоянием подследственных, Северцев уловил этот тонкий нюанс, это молчаливое начало раскола.

- Насчет кепки уже было. Басов,- сказал Северцев,- и психа из себя тоже уже разыгрывали и пробовали многое другое.- Он сделал паузу и закурил.- Мне казалось, что теперь в ваших же интересах побыстрее закончить следствие. Так или иначе, все вы будете осуждены. Мы располагаем достаточным количеством объективных фактов, показаниями свидетелей, прямыми и косвенными вещественными доказательствами. В основном дело ясное. Скажу прямо, есть несколько туманных моментов. О сути их мы

догадываемся. И если вы сами отказываетесь дать показания по этим второстепенным моментам, мы докопаемся и без вас. Но этот труд оттянет окончание следствия еще на месяц, а может быть, и на два. Не думаю, что вас увлекает перспектива провести два лишних месяца в следственной тюрьме. Итак, сами решайте, как дальше вести себя. Можете даже обменяться мнениями друг с другом,- я разрешаю. Не стану скрывать от вас: ни сегодняшнее признание, ни дальнейшее молчание уже никак не могут повлиять на существо дела. Речь идет о времени и только о времени,- и Северцев вышел из кабинета.

Он возвратился лишь через пятнадцать минут. По видимому, между присутствующими что-то произошло. Басов, сидевший прежде рядом с Багровым, находился теперь на крайней табуретке. Отвернувшись к стене, он отирал с рассеченной губы кровь. Но решение уже было принято. Об этом Северцев догадался сразу.

- С чего ж мы начнем? - спросил он.

- Следствию видней, - ответил Багров.

- Опять все будем валить на Волкова? - съязвил Северцев.

- Давайте говорить серьезно, - предложил Багров. - Самим надоело Ваньку валять. Скорей бы уж кончить.

- Что же, - согласился Северцев, - наконец наши интересы сходятся. - Он положил перед собой чистый бланк протокола, приготовившись писать. - Что означала цифра «13»?

- Было два условных числа - «50» и «13», - медленно подбирая слова, давал показания Багров.- Число «50» означало: «Дела идут нормально. Продолжайте молчать». Число «13» имело совсем иной смысл: «Временно исчезаю. Валите все на Волкова и таким образом по силе возможности выгораживайте себя».

- Значит, получив перевод, вы уже знали, что Волков убит? - уточнил Северцев.

- Разумеется, - ответил Багров,- рано или поздно с ним это должно было случиться.

- Почему? - удивился Северцев.

- Видите ли...- Багров замялся.- Для каждого солидного дела, вроде нашего, непременно нужен один подставной человек. Урганов долго искал такого маменькиного сынка и наконец нашел его на улице Горького. Их всегда можно встретить там - искателей приключений и даровых денег, сопляков в узеньких брюках.

- Для чего Урганову понадобился Волков?

- А для чего откармливают поросят? Чтобы потом была ветчина и холодец из свиных ножек. Мы ведь задумывали большое дело. Нужно было, чтобы вы напали на ложный след, - я имею в виду Волкова. А к тому времени, когда Волкова вам удалось бы обнаружить, он был бы уже трупом. Кстати, вы обратили внимание, что кличка «Волк» созвучий с фамилией Волкова? Урганов сделал это специально, а Волков видел в этом проявление дружбы,- он надеялся со временем стать преемником Урганова а банде.

- А под кличкой «Дядя» тоже имелся в виду Урганов?

- Да.

Все время, пока говорил Багров, Басов ерзал на табуретке, бросая в его сторону свирепые взгляды. Он оказался а одиночестве и, сознавая всю невыгодность своего положения, мучительно искал случая, как бы вклинить в общий разговор. Он несколько раз безуспешно пытался вставить свою реплику, но Северцев умышленно делал вид, что не замечает его усилий. И теперь, когда Багров, полный готовности дать исчерпывающий ответ на любой вопрос следователя, уже окончательно захватывал в свои руки инициативу. Басов взорвался.

- Ты что же, за всех решил говорить, - двинулся он на Багрова,- чистосердечным признанием хочешь показать свое раскаяние? Чистеньким хочешь выглядеть?- Он был в ярости; казалось, еще секунда - и Басов бросится на Багрова. Тот же привстал, и мертвенная бледность выдавала его волнение.

- Сидеть! - приказал Северцев.

- Виноват, гражданин начальник, - переводя дыхание, сказал Басов.- Спрашивайте, какие есть вопросы.

- Кто и почему убил Виктора Коваленко? Зачем понадобилась эта комедия с отпечатками пальцев на стекле? Какую вы преследовали цель, подсунув нам Коваленко, который кое-что знал о вашей банде и не был заинтересован в том, чтобы скрывать от следствия правду? - Северцев задавал вопрос за вопросом. Они внимательно слушали его, вдумываясь в каждое слово. Полковник отметил для себя нечто новое, появившееся в их поведении,- собачью угодливость во взглядах и стремление опередить своими ответами каждый его вопрос.

На этот раз Басов не дал говорить Багрову, уже открывшему было рот. Он стал отвечать сам:

- Бывают такие люди, - сказал Басов, - которые считают себя умнее других. Они выпендриваются из всех сил, чтобы про них сказали: «Ах, какой молодец этот парень!» У каждого хозяина есть свой любимый холуй. У нашего хозяина таким холуем был Багров. Но есть пословица: «Заставь дурака богу молиться - он и лоб расшибет». В точности так получилось и с Колей Багровым.

Басов рассказал о том, что по заданию Урганова Багров сделал последнюю попытку вовлечь

Коваленко в их банду. Разговор шел в пивной на Шарикоподшипниковской улице. Но Багров перестарался. Трюк с отпечатками пальцев на настольном стекле он осуществил по собственной инициативе. После неудавшегося покушения в Загорянке, стремясь заслужить одобрение Волка, Багров решил сделать больше, чем ему было приказано, и подбросил осколок стекла в машину, оставленную на Хорошевском шоссе. В восторге от своей находчивости, он доложил обо всем Урганову. Но тот жестоко избил его. Исправляя свою ошибку, Николай Багров узнал через брата Марии Гонтарь, что в соседней с Гонтарем камере сидит Коваленко. Бирюк дал знать Гонтарю о том, что Коваленко выходит на свободу, следовательно, он «раскололся» на следствии. Гонтарь сообщил об этом в иносказательной форме сестре, которая получала от него записки. Та тотчас же передала это Николаю Багрову. Взвесив все «за» и «против», Урганов решил убрать Коваленко и взялся осуществить это убийство сам. Они следили за домом Коваленко, потом за ним самим, и, когда он возвращался в электричка от знакомой девушки, Урганов вызвал его в тамбур и, выбрав удобный момент, сбросил под колеса.

- Ясно,- сказал Северцев.- Последний вопрос. Что должно было произойти пятнадцатого?

Ответа не последовало. Багров сделал такое лицо, словно не понимал, чего от него добивается следователь, о каком еще пятнадцатом числе идет речь.

- Я помогу вам вспомнить,- сказал Северцев. - Вы охотились исключительно за такси - это первое. Второе - под матрацем у Федора Волкова было найдено двенадцать инкассаторских мешков. Теперь, если вспомнить, что инкассаторы объезжают магазины именно в такси, присовокупить к этому найденные у Волкова пустые инкассаторские мешки, которые оставляются в магазинах взамен получаемых, и вспомнить, что пятнадцатого как раз суббота, когда, учитывая дачный сезон, в продовольственных магазинах особенно большая выручка... Нетрудно догадаться, какое дело вы собирались осуществить пятнадцатого числа. Но мне хочется услышать это из ваших уст.

Северцев знал все. Дальнейшее запирательство было лишено смысла.

- Прошу отразить это в протоколе, - с какой-то дерзкой веселостью произнес Багров,- прошу отразить, что я, а не кто иной, дал показания по настоящему пункту. Надеюсь, вы оцените всю важность того, о чем я сейчас расскажу.

Да, действительно, «грандиозное дело», замысел о котором вынашивался Ургановым еще в лагере, было операцией изъятия выручки из магазинов под видом представителей Мосгорбанка. Урганов оставался верен себе: он упрямо продолжал свою линию, начатую им еще давным-давно. Операция была продумана до мельчайших деталей и подготовлена с глубоким знанием инкассаторского дела. Урганов рассчитывал захватить не менее полутора - двух миллионов. И вполне возможно, что расчеты его могли оправдаться, если бы на сотрудники Московского уголовного розыска, которые своевременно напали на след и разгромили ургановскую банду.

Багров рассказал все. Это было последней каплей, переполнившей чашу. Друзья его окончательно поняли, что банда потерпела полный провал, они уже никогда не сойдутся вместе.

Заговорили все вместе, топя и перебивая друг друга. Каждый из них старался выгородить себя, любыми усилиями, не останавливаясь перед прямым предательством своих вчерашних товарищей. Полноте! О каком товариществе могла идти речь! Они были те же самые волки, освободившиеся вдруг от ужаса перед всемогуществом своего вожака, от круговой поруки, связывавшей им языки и сковывавшей их инициативу. Банда больше не существовала, а следовательно, не существовало ее неписаных законов, основанных на слепом повиновении до конца, под страхом кровавой, бесчеловечной расправы. Теперь уже ничто не тяготело над ними. Они откровенно спасали собственные шкуры, мелочно торгуясь друг с другом, на чью долю приходится большая степень вины.

Вот, собственно, и все. Северцев поставил последнюю точку и аккуратно подшил последний листок протокола к последнему тому дела о банде Урганова.

Иван Ильич вызвал конвой и отправил арестованных обратно в камеры. Можно было хоть сейчас садиться за составление обвинительного заключения. Северцев решил отложить это на следующий день. Чувство огромного облегчения наполнило его душу: как и в любом деле, в профессии следователя успешный конец неизменно радостен.

...Был жаркий летний полдень. Ивану Ильичу вдруг неотвратимо захотелось выйти на улицу, побродить, подумать наедине с собой.

Он шел по старой, знакомой Петровке. Рабочие на стройке клали кирпичи, возводя очередной этаж будущего дома. Дети возле «Эрмитажей» бегали вперегонки. Автобус с туристами медленно двигался по направлению к центру. И никто не обратил особого внимания на невысокого человека в полковничьих погонах и синей милицейской форме. Он был одним из миллионов советских людей и, подобно миллионам, скромно и самоотверженно делал свое большое и очень нужное дело...